

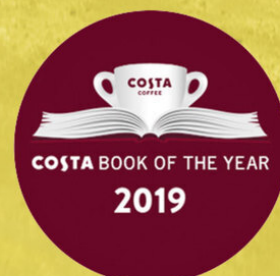
18+

ДЖЕК ФЭРУЭДЕР

ДОБРОВОЛЬНЫЙ УЗНИК

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА,
ОТПРАВИВШЕГОСЯ
В АУШВИЦ

МИФ Культура

Джек Фэруэдер

**Добровольный узник.
История человека,
отправившегося в Аушвиц**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2019

УДК 94(4)«1939/1945»(092)
ББК 63.3(0)62-8

Фэруэдэр Д.

Добровольный узник. История человека, отправившегося в
Аушвиц / Д. Фэруэдэр — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,
2019 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-169255-3

Это первая полная книга об удивительной истории Витольда Пилецкого. В 1940 году он добровольно отправился в новый концентрационный лагерь, созданный нацистами, – Аушвиц. Витольд организовал в лагере подпольную сеть и на протяжении двух с половиной лет тайно передавал на волю информацию о происходящем. Благодаря ему миру открылись подробности и масштабы преступлений нацистов в лагерях смерти. Автор тщательно собрал архивные данные и семейные источники, провел эксклюзивные интервью с участниками событий. В результате получился правдивый, но в то же время захватывающий рассказ о героизме, сопротивлении самым ужасающим обстоятельствам и попытке одного человека изменить ход истории. На русском языке публикуется впервые.

УДК 94(4)«1939/1945»(092)
ББК 63.3(0)62-8

ISBN 978-5-00-169255-3

© Фэруэдэр Д., 2019
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2019

Содержание

Информация от издательства	5
Введение	6
От автора	9
Список карт	10
Часть I	11
Глава 1. Вторжение	11
Глава 2. Оккупация	27
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джек Фэруэдер Добровольный узник. История человека, отправившегося в Аушвиц

Информация от издательства

Научный редактор канд. ист. наук Сергей Кормилицын

Издано с разрешения автора c/o Larry Weissman Literary, LLC и P. & R. Permissions & Rights Ltd. with PRAVA I PREVODI

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© The Volunteer

Copyright © 2019 by Jack Fairweather All rights reserved.

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

Посвящается Филипу и Линн Асквит – в благодарность за поддержку, а также Стелле и Фрэнку Форд – моей бабушке и моему дедушке

Тот много делает, кто много любит. Тот много делает, кто хорошо делает. Хорошо делает тот, кто служит общему благу более, чем своей воле.

Фома Кемпийский

Введение

С грохотом подъехали и остановились грузовики. Послышались выстрелы и крики. В дверь постучал сторож.

«Немцы здесь, – закричал он. – Спрячьтесь в подвале или уходите через сад на заднем дворе»¹.

Человек в квартире не шелохнулся.

Оккупированная нацистами Варшава. Раннее утро 19 сентября 1940 года. Немцы вторглись в Польшу годом ранее, развязав в Европе Вторую мировую войну. Гитлер еще не сформулировал свои планы по уничтожению евреев. Сейчас он намерен разрушить Польшу, ликвидировав ее квалифицированную рабочую силу. Страну охватил жестокий террор. Тысячи польских граждан – врачей, учителей, писателей, юристов (как иудеев, так и католиков) – хватают прямо на улицах, расстреливают или арестовывают. В июне немцы открыли новый концентрационный лагерь для некоторых категорий заключенных. Он называется Аушвиц. Но о том, что происходит за его забором, почти ничего неизвестно.

Человек в квартире знает об утренней облаве и о том, что арестованных, скорее всего, отправят именно в этот лагерь. Вот почему он здесь. Ему дано секретное задание: проникнуть в лагерь, сформировать ячейки Сопротивления и собрать доказательства преступлений нацистов.

Входную дверь с треском выламывают, и на лестнице раздается тяжелый топот. Мужчина надевает пальто и замечает, что в комнате напротив в кроватке стоит трехлетний мальчик и смотрит на него широко раскрытыми глазами. Его плюшевый мишка упал на пол. В дверь заколотили кулаками. Мужчина быстро поднимает медведя и протягивает малышу, пока его мать выпускает немцев.

«Скоро увидимся», – шепчет он ребенку. И, вопреки инстинкту самосохранения, сдается в плен².

Витольд Пилецкий стал узником Аушвица добровольно. История этого человека, уместившаяся в столь короткую фразу, подвигла меня начать поиски, занявшие пять лет. Я проследил его путь от земледельца до участника подполья в оккупированной Варшаве и разведчика, попавшего в грузовике для скота в эпицентр величайшего из зол, сотворенных нацистами. Витольд стал мне почти родным. И я снова и снова возвращаюсь к этой простой фразе и к тому моменту, когда он сидел в квартире в ожидании немецкой облавы, и размышляю над тем, как в свете его истории выглядит день сегодняшней.

Впервые о Витольде мне рассказал мой приятель, Мэтт Макаллистер, осенью 2011 года. Мы с Мэттом вместе писали репортажи о войнах на Ближнем Востоке и пытались осмыслить события, свидетелями которых стали. Мэтт со свойственной ему бравадой отправился в Аушвиц, чтобы лицом к лицу встретиться с величайшим злом в истории человечества. Там он узнал о подпольном отряде Витольда. Рассказ о нескольких храбрецах, которые противостояли нацистам, немного подбодрил нас, но меня поразило то, как мало известно сейчас о миссии Витольда – предупредить Запад о преступлениях нацистов и организовать подпольный отряд с целью уничтожить концлагерь.

Отчасти картина прояснилась через год, когда самое длинное донесение Витольда было переведено на английский язык. История донесения примечательна сама по себе. В 1960-х годах этот документ попал в руки польского историка Юзефа Гарлиньского, однако все имена

¹ Из беседы с Островским, 9 марта 2016 года; Ostrowska, [Wspomnienia 1], p. 5.

² Из беседы с Островским, 9 марта 2016 года.

там были зашифрованы. Благодаря опросам выживших и логическим умозаключениям Гарлинскому удалось восстановить значительную часть имен, и он опубликовал первые данные о деятельности Сопротивления в концлагере. Затем, в 1991 году, научный сотрудник Государственного музея Аушвиц-Биркенау Адам Цыра обнаружил неопубликованные мемуары Витоляда, второе донесение и другие отрывочные записи, хранившиеся в польских архивах еще с 1948 года. Среди этих материалов оказался и составленный Витолядом ключ к шифру, скрывавшему имена его товарищей.

Я прочел донесение Витоляда в 2012 году. Автор излагал пережитое в Аушвице точным и сухим языком. Однако рассказ его состоял из фрагментов информации, местами даже встречались искажения. Из-за страха, что арестуют его товарищей, он опускал важные эпизоды, скрывал душераздирающие подробности и тщательно описывал то, что представляло интерес для его аудитории – военных. У меня накопилось много серьезных вопросов, на которые не было ответов. Что стало с разведданными, которые он собрал в Аушвице, рискуя жизнью? Сообщил ли он британцам и американцам о массовых убийствах евреев задолго до того, как истинное назначение лагеря признали публично? Если так, скрывались ли представленные им сведения? Сколько жизней можно было бы спасти, если бы его предупреждениям кто-то внял?

Я воспринял эту историю и как личный вызов: я был в том же возрасте, что и Витоляд в начале войны, у меня, как и у Витоляда, – семья, маленькие дети, дом. Что заставило Витоляда, рискуя всем, идти на подобное задание и почему его добровольное самопожертвование так глубоко тронуло меня? Я узнал в нем такую же неумную душу, что однажды увлекла меня на войну и с тех пор не давала покоя. Какой урок Витоляд мог бы преподать мне о моей собственной жизни и разлуке с близкими?

Я прилетел в Варшаву в январе 2016 года, чтобы найти ответы на свои вопросы. Первым, кого я хотел увидеть, был сын Витоляда, Анджей. Я нервничал перед встречей с ним. В конце концов, кто я такой, чтобы внезапно разбередить рану, связанную с историей его отца? Когда Витоляда расстреляли, Анджей был еще ребенком. В течение пятидесяти лет ему говорили, что его отец – враг народа. Конечно, он никогда в это не верил, но узнать подробности истинной миссии Витоляда ему удалось только в 1990-х годах, когда были открыты архивы коммунистов.

Разумеется, я волновался напрасно. Анджей оказался добрым и открытым человеком. Однако он сразу предупредил меня: «Не знаю, что еще вы найдете и с чего надо начинать искать».

И я ответил: «С вас».

Я понимал: о Витоляде известно так мало, что важна любая мелочь, какую Анджей мог мне сообщить. Я не знал, о чем думал Витоляд помимо того, о чем он писал, и того, что могли бы рассказать мне о его образе мыслей такие люди, как Анджей. Я даже не предполагал, что в живых осталось столько людей, знавших Витоляда лично. Некоторые из них никогда прежде не делились своими воспоминаниями – возможно, потому, что не осмеливались говорить об этом при коммунистах, а может, просто потому, что их никто не спрашивал.

Помимо бесед с живыми свидетелями я хотел проследить путь Витоляда. Во время войны многие здания были разрушены, но часть из них сохранилась, и самым важным для меня местом была квартира, где арестовали Витоляда. После того как я увидел все локации своими глазами, мне стало легче описывать то, что там происходило. Но еще лучше было пройти этот путь с живыми свидетелями. Оказалось, что трехлетний мальчик из той самой квартиры жив. Его зовут Марек. Они с матерью, невесткой Витоляда, пережили войну, но потом коммунисты выгнали их из дома. Впервые за семьдесят лет я привел его в этот дом. Там Марек вспомнил о плюшевом мишке – этот случай красноречиво свидетельствовал о способности Витоляда даже в момент сильнейшего стресса думать не только о себе.

Конечно, я знал: чтобы написать книгу, понадобятся сотни, если не тысячи таких деталей. Посетив Государственный музей Аушвиц-Биркенау, я понял, где их найти. В музее хранится более 3500 свидетельских показаний людей, выживших в лагерях, сотни из них касаются деятельности Витольда или описывают события, очевидцем которых он был. Большая часть тех документов прежде никогда не переводилась и не публиковалась. Весь этот материал мог приблизить меня к пониманию поступков Витольда, что мне и было нужно – проникнуть в его мысли и попытаться ответить на вопрос о том, что заставило его сопротивляться.

Любой, кто изучает холокост, совершает для себя открытие: речь идет не только о гибели миллионов ни в чем не повинных европейцев, но и о коллективной неспособности признать весь ужас ситуации и что-то предпринять. Руководство стран-союзниц не хотело видеть правду, а встретившись с ней лицом к лицу, не сумело сделать решительный шаг. И это был не только политический провал. Узники Аушвица тоже не осознавали масштабов холокоста, в то время как немцы превращали концлагерь из тюрьмы с жестокими правилами содержания в фабрику смерти. Они поддались обычному человеческому инстинкту – не обращать внимания, оправдывать или отрицать массовые убийства как нечто не имеющее отношения к их собственной борьбе. Однако Витольд поступил иначе. Он рискнул своей жизнью ради того, чтобы мир узнал об ужасах концлагеря.

Работая над книгой, я все время пытался понять, какие качества выделяют Витольда из общей массы людей. Но когда я нашел и прочитал его записи и встретился с теми, кто знал его или сражался с ним плечом к плечу, я понял: пожалуй, самое замечательное в личности Витольда Пилецкого – фермера, отца двоих детей, не отмеченного особыми заслугами, не отличавшегося особой набожностью, – то, что к началу войны он был таким же простым человеком, как и мы с вами. Осознав это, я задался новым вопросом: как же этот обычный человек нашел в себе достаточно моральных сил, чтобы собирать сведения, сообщать об ужаснейших преступлениях нацистов и действовать, когда другие предпочитали закрывать глаза на происходящее?

Полная противоречий история Витольда – это новая глава в хронике Аушвица и рассказ о том, почему человек порой способен рискнуть всем ради ближнего.

Шарлотт, 2020

От автора

Перед вами не художественное произведение. Все цитаты и подробности взяты из первоисточников: свидетельств очевидцев, мемуаров и личных бесед. Большая часть двух с лишним тысяч первоисточников, которые легли в основу этой книги, на польском и немецком языках. Все переводы выполнены моими замечательными помощниками – Мартой Гольян, Катажиной Чижиньской, Луизой Вальчук и Ингрид Пуфал, если не указано иное.

Два надежных источника информации о жизни Витольда в концлагере – это отчет, составленный им в Варшаве между октябрем 1943 года и июнем 1944-го, и мемуары, написанные в Италии летом и осенью 1945 года. Несмотря на то что писал он на бегу, не имея под рукой своих заметок, в его рукописях на удивление мало ошибок. Тем не менее Витольд не идеальный рассказчик. По возможности я старался обработать его записи, исправить ошибки и восполнить пробелы. Важным источником стала коллекция Государственного музея Аушвиц-Биркенау, которая насчитывает 3727 свидетельств заключенных. Я обращался и к другим архивам, где содержатся документы о значимых деталях и контексте тех событий. Это Архив новых актов в Варшаве, Краковский национальный архив, Центральный военный архив Польши, Институт национальной памяти, Библиотека Оссолинеум, Британская библиотека, Польский институт и Музей Сикорского, Фонд изучения польского подпольного движения, архив «Хроника террора» в Институте Витольда Пилецкого, Национальный архив Великобритании, Библиотека Винера, Имперский военный музей, Национальный архив США и Мемориальный музей холокоста в Вашингтоне, Президентская библиотека Рузвельта, Гуверовский институт, Архивы Яд Вашем, Центральный сионистский архив, Федеральный архив Германии в Кобленце и Берлине, Федеральный архив Швейцарии, фонд Archivum Helveto-Polonicum и Архив Международного комитета Красного Креста³.

Кроме того, у меня была возможность работать с семейным архивом Пилецких, письмами и мемуарами, которые хранятся в семьях близких товарищей Витольда и помогают пролить свет на его решения. Дети Витольда, Анджей и Зофия, часами рассказывали мне о своем отце. Невероятно, но, когда я начинал свое исследование, некоторые из боевых товарищей Витольда были еще живы. Они тоже поделились своими мыслями и чувствами.

Описывая концлагерь, я руководствовался правилом Витольда: «Нельзя ничего преувеличивать; даже малейшее искажение оскорбляет память тех прекрасных людей, что там погибли». Воссоздание некоторых сцен основано на единственном источнике (найти дополнительные не удалось) – это отражено в сносках. В ряде случаев я описывал детали лагерного быта, которые Витольд определенно наблюдал, но не упоминал в своих отчетах. Я цитирую источники в примечаниях в том порядке, в котором они использованы в каждом абзаце. Приводя диалоги, я ссылаюсь на источник информации (один раз на каждого участника). При возникновении противоречий предпочтение я отдавал мнению Витольда, если не указано иное⁴.

Рассказывая о Витольде и его окружении, я употреблял имена или их уменьшительные формы в соответствии с тем, как эти люди сами обращались друг к другу. Кроме того, я попытался свести к минимуму аббревиатуры, например обозначал главные силы Сопротивления в Варшаве одним словом «подполье». Я сохранил довоенные варианты топонимов. Название «Освенцим» относится к городу, а «Аушвиц» – к концлагерю.

³ Данные любезно предоставлены Войчехом Плосой (Wojciech Płosa).

⁴ Pilecki, The Auschwitz, loc. 521; Pilecki, [List], October 19, 1945, PUMST, BI 6991, p. 2.

Список карт

Карта 1 – карта Сукурчей, составленная по воспоминаниям сестры Витольда

Карта 2 – Польша, 1939 год

Карта 3 – Варшава, 1939 год

Карта 4 – концентрационный лагерь Аушвиц, 1940 год

Карта 5 – донесение с просьбой о бомбардировке, 1940 год

Карта 6 – связи в лагере, 1941 год

Карта 7 – план расширения лагеря, март 1941 года

Карта 8 – местоположение нового лагеря Биркенау, 1941 год

Карта 9 – маршрут доставки донесения об отравлении газом советских военнопленных, 1941 год

Карта 10 – связи в лагере, 1942 год

Карта 11 – побег Стефана и Винценты, 1942 год

Карта 12 – побег Ястера, 1942 год

Карта 13 – маршрут следования Наполеона, 1942–1943 годы

Карта 14 – план пекарни

Карта 15 – побег Витольда, 1943 год

Карта 16 – Варшава, 5 августа 1944 года

Часть I

Глава 1. Вторжение

Крупа, Восточная Польша, 26 августа 1939 года

Витольд стоял на крыльце и наблюдал, как по липовой аллее, взметая клубы пыли, проехала машина и остановилась у корявого каштана, выбросив белое облако дыма. Лето выдалось очень засушливое, и крестьяне рассуждали, не полить ли водой могилу утопленника или не привязать ли девственницу к плугу, чтобы пошел дождь, – такие обряды предписывало народное поверье на Кресах, восточной окраине Польши. Наконец разразилась сильная гроза, но она лишь прибила к земле солому, оставшуюся на полях после сбора урожая, и посрывала гнезда аистов. Однако Витольда беспокоили отнюдь не запасы зерна на зиму⁵.

Радио, потрескивая, сообщало о сосредоточении немецких войск на границе и намерении Адольфа Гитлера вернуть территории, отошедшие Польше после Первой мировой войны⁶. Гитлер считал, что немецкий народ вынужден отчаянно бороться за ресурсы с другими народами. Немецкая раса может укрепиться только за счет «уничтожения Польши... и ее жизненно важных сил», сказал он офицерам в своей горной резиденции в Оберзальцберге 22 августа. На следующий день Гитлер подписал с Иосифом Сталиным секретный договор о ненападении, по которому Восточная Европа отходила Советскому Союзу, а большая часть Польши – Германии. Если немцам удастся реализовать свои планы, дом и земля Витольда окажутся захваченными, а Польша будет полностью разрушена или превратится в вассальное государство⁷.

Из машины вышел военный и приказал Витольду собрать работников. Польша объявила мобилизацию пятисот тысяч резервистов. Витольд, младший лейтенант кавалерии в запасе и представитель мелкопоместного дворянства, должен был в течение сорока восьми часов доставить свой отряд в казармы города Лиды, расположенного поблизости, для погрузки в военные эшелоны, уходившие на запад. Все лето он старательно обучал девяносто добровольцев азам военного дела, но большинство его людей были крестьянами, они никогда не воевали и не стреляли. Некоторые не имели лошадей и планировали сражаться с немцами на велосипедах. Витольду удалось вооружить их хотя бы восьмимиллиметровыми винтовками Лебеля со скользящим затвором⁸.

Витольд быстро надел свою форму и сапоги для верховой езды и достал из ведра в старой копильне пистолет Vis. Оружие он спрятал после того, как однажды увидел, что его восьмилетний сын Анджей размахивает пистолетом перед младшей сестрой. Мария, жена Витольда, увезла детей к матери под Варшаву. Придется вызвать их домой. На востоке, подальше от фронта, они будут в безопасности⁹.

⁵ Pilecki, [Pod Lidą], *Materiały*, vol. 223c, APMA-B, p. 36; Dmytruk, *Z Nowogo*, цит. по: Brown, *A Biography*, loc. 954; Tumielewicz, [Kronika], p. 229; Lacki, *Burza*, p. 229–230; Pilecka, [Dzieje], vol. 223c, APMA-B, p. 104; Pilecki, [W jaki], PUMST, p. 8.

⁶ После подписания Версальского мирного договора в 1919 году Польше были переданы Познань, части Померании и Силезии. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.*

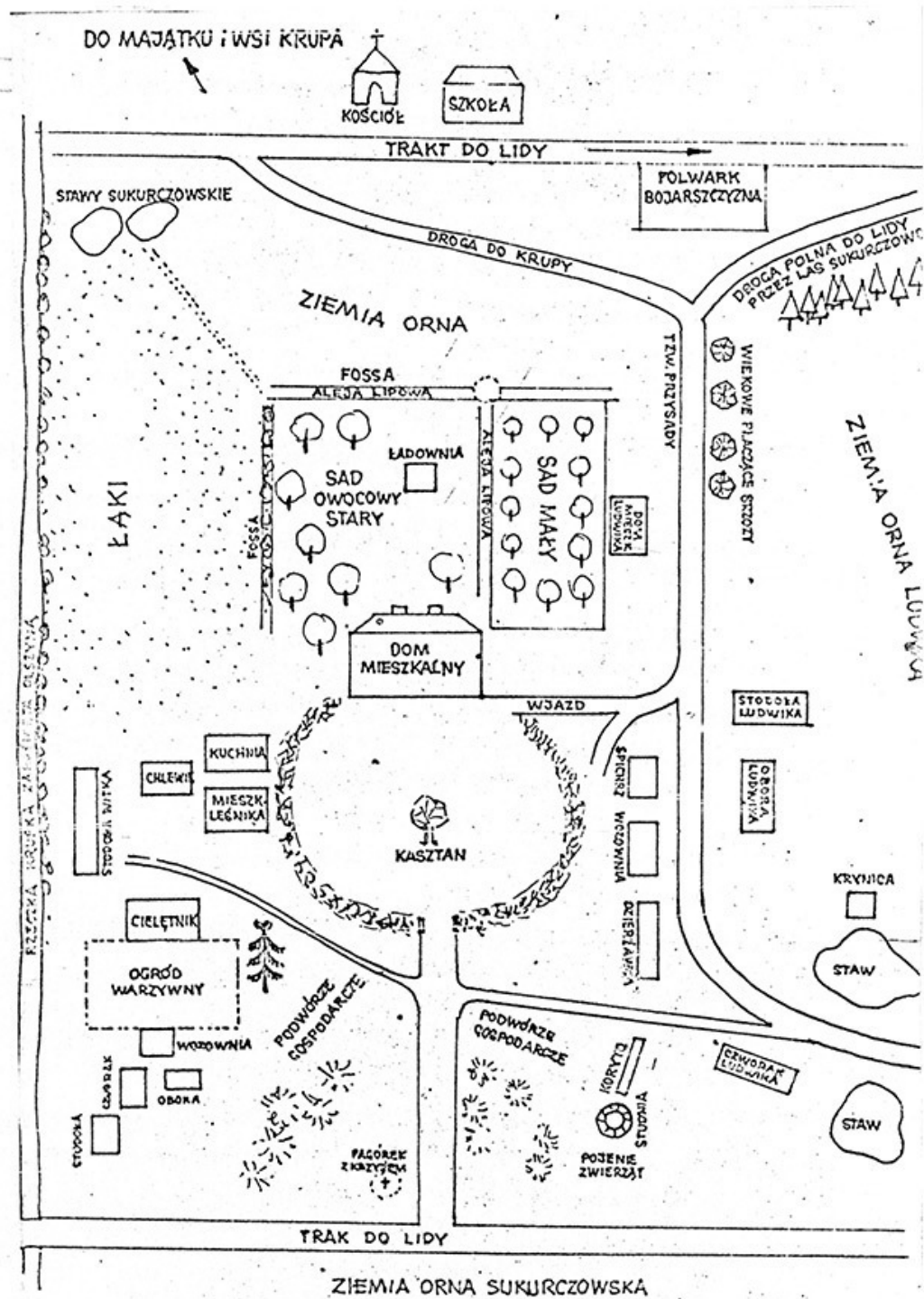
⁷ Kochanski, *The Eagle*, p. 57; Wilmot, [Notes], LHCMA, LH 15/15/150/2.

⁸ Всеобщая мобилизация началась 30 августа, а негласная – еще 24 августа. Kochanski, *The Eagle*, p. 57; Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 8; Лаўрэш, *13 траўня*, p. 15–19; Лаўрэш, *Лідчына*, p. 76; Brochowicz-Lewiński, [Raport], CAW, I.302.4.466.

⁹ Из беседы с Пилецким, 21 мая 2016 года.

Витольд слышал, что мальчик-конюх вывел во двор его любимую лошадь Байку, и на мгновение задержался перед зеркалом в коридоре, чтобы поправить свою форму цвета хаки. На висевших рядом выцветших снимках были запечатлены славные, но обреченные на неудачу восстания, в которых сражались его предки. Ему тридцать восемь лет. Он среднего телосложения, спокоен и красив. У него бледно-голубые глаза, русые волосы зачесаны назад с высокого лба, а на тонких губах – едва заметная улыбка. Отмечая его невозмутимость и умение слушать, люди иногда принимали Витольда за священника или за честного чиновника. Изредка он мог позволить эмоциям вырваться наружу, но чаще всего казалось, что его что-то сдерживает, какой-то внутренний узел, который он был не в силах развязать. Трудно сказать, чем объяснялось его поведение: была ли это необходимость соблюдать формальности или какое-то неразрешенное напряжение, возможно, желание проявить себя. Он установил для себя высокую планку и был требователен к другим, но никогда не заходил слишком далеко. Он доверял людям, а его уверенность и спокойствие, в свою очередь, внушали доверие окружающим¹⁰.

¹⁰ Gawron, *Ochotnik*, p. 68; Pilecki, *Akta sprawy, Protokół przesłuchania podejrzanego Tadeusza Płuźańskiego, Materiały*, vol. 223, APMA-B, p. 197; Pieńkowska, [Wspomnienia], p. 12; Budarkiewicz, *Wspomnienia*, in Cyra, *Rotmistrz*, p. 24.

Карта Сукурчей, составленная по воспоминаниям сестры Витольда.
Предоставлено Государственным музеем Аушвиц-Биркенау

Витольд Пилецкий с другом в Сукурчах. Ок. 1930 года.
Предоставлено семьей Пилецких

В юности он хотел стать художником и изучал живопись в университете города Вильно, но по окончании Первой мировой войны ему пришлось бросить учебу. После распада Российской, Германской и Австро-Венгерской империй Польша провозгласила независимость, но почти сразу в нее вторглась Советская Россия¹¹. Витольд принял участие в войне против большевиков: он возглавил отряд разведчиков и сражался на улицах Вильно. Этот опыт закалил его. Один из его друзей утонул в реке – в пылу сражения можно запросто забыть об опасности. В те безумные дни, что последовали за победой, Витольду уже не хотелось рисовать. Ему

¹¹ Речь идет о так называемой советско-польской войне (1919-1921), которая развернулась на западных землях распавшейся Российской империи. В конце 1918 года польские войска начали наступление на Белоруссию и Украину. Основной их целью было восстановление границ страны до раздела 1772 года. В ходе войны Польша оккупировала значительные территории, дойдя до Киева. Красная армия смогла переломить ситуацию, однако контрнаступление оказалось неудачным: из-за просчетов командования советские войска потерпели под Варшавой поражение и были вынуждены отступить. В 1921 году был подписан Рижский мирный договор, по которому Польша получила обширные области, ранее входившие в состав Российской империи (Гродненскую губернию, часть Волынской и др.) и населенные преимущественно белорусами и украинцами.

никак не удавалось найти себе применение. Некоторое время он работал на военном складе, затем – в союзе земледельцев, завел страстный, но неудачный роман. Когда в 1924 году заболел его отец, Витольд понял, что судьба все решила за него: он займется семейным поместьем в Сукурчах – полуразрушенным домом, заросшими фруктовыми садами и 220 гектарами холмистых пшеничных полей¹².

Вскоре Витольд стал главой местной общины. Крестьяне из соседнего села Крупа обрабатывали его поля и советовались с ним, как возделывать их собственную землю. Он основал молочный кооператив, чтобы они сдавали молоко по более выгодным ценам. Потратив значительную часть своего наследства на дорогую арабскую кобылу, Витольд организовал отряд резервистов. Со своей будущей женой Марией он познакомился в 1927 году, когда рисовал декорации для спектакля в новой школе в Крупе. Ухаживая за девушкой, Витольд подкладывал в раскрытое окно ее спальни букеты сирени. Витольд и Мария поженились в 1931 году, через год у них родился сын Анджей, а еще через год – дочь Зофия. Витольд оказался заботливым отцом. После рождения Зофии, пока Мария болела, он присматривал за детьми. Он учил их ездить верхом и плавать в пруду у дома. По вечерам, когда Мария возвращалась с работы, они разыгрывали для нее маленькие пьесы¹³.

Витольд и Мария вскоре после свадьбы. Ок. 1931 года.

Предоставлено семьей Пилецких

Но тихая семейная жизнь не мешала Витольду следить за политическими событиями в стране, и он был встревожен. На протяжении почти тысячи лет на этих землях жили люди разных национальностей. Однако новое государство, возникшее в 1918 году, никак не могло сфор-

¹² Tracki, *Młodość*, p. 112; Pilecka, [Dzieje], *Materiały*, vol. 223c, APMA-B, p. 94–96; Pilecki, [Życiorys], *Materiały*, vol. 223c, APMA-B, страницы не указаны; Tracki, *Młodość*, p. 178–179, 185. Поместье в Сукурчах он унаследовал по материнской линии. Большую часть земель Пилецких конфисковала Российская империя после того, как дед Витольда участвовал в Польском восстании против царя Александра II в январе 1863 года (Cyga, *Rotmistrz*, p. 22).

¹³ Подробнее см.: AAN, 2/213/0/9/8498, и AAN, 2/213/0/9/8499; из беседы с Пилецкой-Оптулович, 14 июля 2016 года; Pilecki, Krzyszkowski, Wasztyl, Pilecki, p. 30; из беседы с Пилецким, 1 февраля 2016 года; Tracki, *Młodość*, p. 187–191.

мулировать свою идентичность. Националисты и церковные деятели призывали максимально сузить определение «польскости» и исходить из этнической принадлежности и приверженности католицизму. Власти разгоняли и запрещали организации, отстаивавшие права украинских и белорусских национальных меньшинств. Евреев, которые составляли около десяти процентов населения Польши, объявили экономическими конкурентами. Их подвергали дискриминации, ограничивая права на образование и ведение торговли, и вынуждали эмигрировать. Националисты устраивали бойкоты еврейских магазинов и нападали на синагоги. В родном городе Витольда, Лиде, хулиганы разгромили принадлежавшие евреям кондитерскую и адвокатскую контору. На главной площади пустовало множество магазинов, чьи хозяева бежали из страны¹⁴.

Витольд, Мария, Анджей и Зофия. Ок. 1935 года.

Предоставлено семьей Пилецких

¹⁴ Kochanski, *The Eagle*, p. 30–32; Bikont, *The Crime*, p. 11–26; Ringelblum, *Polish*, p. 11; Brzoza, Sowa, *Historia*, p. 135; Brown, *A Biography*, loc. 534; Лаўрэш, *Яўрэі*, p. 141–154; Лаўрэш, *Лідчына*, p. 64; Gelman, *Jewish*, цит. по: Manor, Ganusovitch, Lando, *Book of Lida*, p. 83; Ярмонт, *В теш*, с. 93–94, цит. по: Лаўрэш, *Лідчына*, p. 76.

Витольд не любил политические интриги и не одобрял действия политиков, использовавших национальные различия в своих целях. Его семья выступала за старый порядок, когда Польша была независимой и представляла собой образец культурного общества. Тем не менее он был человеком своего времени и представителем определенного социального слоя. Скорее всего, он свысока смотрел на местных польских и белорусских крестьян и в какой-то степени разделял преобладавшие тогда антисемитские взгляды. Но именно любовь к своей родине стала фундаментом, который объединил людей всех национальностей, решивших воевать за Польшу. Им теперь нужно было сплотиться, чтобы отразить нацистскую угрозу¹⁵.

Вскочив на лошадь, Витольд домчался до Крупы, находившейся в полутора километрах от его поместья. В деревне телефон был всего в нескольких домах – оттуда он, вероятно, и позвонил Марии. Затем Витольд отправился на поле рядом с усадьбой, чтобы собрать людей и подготовить провиант. Он получил боеприпасы и продовольственные пайки в штабе полка в Лиде, а остальной провиант – хлеб, крупы, колбасы, сало, картофель, лук, консервированный кофе, муку, пряности, уксус и соль – должна была предоставить местная община. Лошадям требовалось почти тридцать килограммов овса на неделю. Не каждый селянин охотно делился припасами – людям самим не хватало еды. Душный, жаркий день тянулся бесконечно долго, и все это время во дворе усадьбы грузились телеги¹⁶.

Витольд пригласил офицеров в дом на постой. Вечером следующего дня, когда вернулась Мария с детьми – все трое были мокрые от пота и жутко уставшие, – Витольда не оказалось дома, а в их кроватях спали военные. Мария была, мягко говоря, раздражена. Они долго ехали, в поезде было так много людей, что детей передавали в вагон через окна, поезд то и дело останавливался, пропуская военные составы. Витольда немедленно вызвали с импровизированного полигона, и ему пришлось попросить военных покинуть дом¹⁷.

Наутро Мария, все еще возмущенная, узнала, что какие-то крестьяне пробрались к подводам и украли часть припасов. Но, провожая Витольда на фронт, она надела для мужа любимое платье и нарядила Анджея и Зофию в лучшие костюмы. Дети со всей деревни собрались возле школы, люди стояли вдоль единственной улицы Крупы, размахивая флагами или носовыми платками. Когда Витольд повел по улице свою колонну всадников, приветственный гул усилился. Витольд был одет в форму цвета хаки, на поясе висели пистолет и сабля¹⁸.

Витольд проехал мимо семьи, не глядя вниз. Но как только колонна прошла и толпа начала расходиться, он развернулся и погнал лошадь назад. Разгоряченный, он остановился перед женой и детьми. Защитить Марию было некому, кроме его сестры и старой домработницы Юзефы, дымившей как паровоз. В прошлый раз немцы вели себя крайне жестоко по отношению к мирным жителям. Он обнял и поцеловал детей. Мария держалась достойно. Ее непослушные каштановые волосы были аккуратно уложены, а губы накрашены. Она старалась не плакать¹⁹.

¹⁵ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 7; из беседы с Пилецким, 2 февраля 2016 года; Gombrowicz, *Polish*, p. 32. В 1922 году Витольд прогнал еврея, арендовавшего землю в поместье. Свидетельств националистической подоплеку этого инцидента нет (Pilecka, [Dzieje], *Materiały*, vol. 223c, APMA-B, p. 15–18). Кооперативы в Польше играли свою роль в продвижении экономических интересов местных общин, часто с учетом этнического аспекта (Piechowski, *Byłem*, p. 17–18).

¹⁶ Markert, 77, p. 53; из беседы с Пилецким, 10 октября 2017 года; из беседы с Пилецкой-Оптулович, 17 мая 2016 года.

¹⁷ Из беседы с Пилецким, 1 февраля 2016 года и 10 октября 2017 года.

¹⁸ Из беседы с Пилецким, 10 октября 2017 года.

¹⁹ Из беседы с Пилецким, 21 мая 2017 года; Pilecki, [Pod Lida], *Materiały*, vol. 223c, APMA-B, p. 26.

Витольд верхом на Байке во время парада. 1930-е.

Предоставлено семьей Пилецких

«Я вернусь через две недели», – сказал Витольд. Но едва ли он надеялся, что сумеет пережить даже ближайшие несколько дней, когда отправлялся верхом на лошади на войну с самой мощной военной машиной в Европе. Гитлер командовал армией в 3,7 миллиона человек, почти вдвое больше польской, у него было на две тысячи больше танков и почти в десять раз больше истребителей и бомбардировщиков. К тому же между Польшей и Германией нет природных барьеров, а граница между ними простиралась на полторы тысячи километров – от Татр на юге до побережья Балтийского моря на севере. Польше оставалось надеяться только на то, что она сумеет продержаться до тех пор, пока ее союзники – Англия и Франция – не нанесут удар с запада и не вынудят Гитлера воевать на два фронта²⁰.

²⁰ Из беседы с Пилецким, 1 февраля 2016 года. Поскольку польская армия не успела закончить мобилизацию, она уступала немцам: по численности пехоты – в полтора раза, в артиллерии – в три раза, по количеству танков – в пять раз. До фронта добрались чуть более 700 000 польских солдат, в основном в виде разрозненных и дезорганизованных групп. Немецкая армия насчитывала примерно миллион человек; Komisja, *Polskie*, vol. 1, part 1, p. 191, 247; Kochanski, *The Eagle*, p. 46, 55–57; Thomas, *German*, p. 8.

Простившись с семьей, Витольд заехал на могилу родителей, находящуюся неподалеку от дома. Его отца давно уже не было в живых, а со смерти мамы прошло всего несколько месяцев. Витольд привязал лошадь к дереву, снял саблю и отсалютовал. Уходя, он думал о том, увидит ли снова эти липовые аллеи. Возможно, он ощущал какое-то тайное волнение от того, что отправляется на войну, которая влекла своей неотвратимостью и азартом²¹.

Витольд догнал свой отряд на подходе к казармам в Лиде. Они собрались на плацу вместе с другими группами резервистов, и вдоль рядов прошел священник, окропляя новобранцев святой водой. Сквозь толпу провожающих Витольд видел поезд, ожидавший на путях. Его солдаты пребывали в радостном возбуждении: мысль, что они едут на фронт, воодушевляла их. Витольд волновался. Командир полка произнес пламенную речь, грянул полковой оркестр. Когда люди Витольда погрузили в поезд лошадей и припасы и заняли свои места на соломе в товарных вагонах, музыканты уже давно перестали играть и горожане разошлись по домам²².

Поздно ночью их поезд тронулся. До Варшавы было почти 400 километров, и всю дорогу состав то и дело останавливался. Они прибыли около полуночи 30 августа. Из вагона Витольду удалось кое-что увидеть: окна городских кафе и баров были наглухо закрыты, поскольку их хозяева опасались немецких воздушных налетов; по улицам ходили толпы людей в противогазах. Люди мучились от жары и мечтали о том, чтобы выспаться. Они приветственно махали прибывавшему эшелону²³.

Миллионная Варшава была одним из самых быстрорастущих городов Европы. О прошлом столицы напоминали дворцы в стиле барокко и Старый город, откуда открывался прекрасный вид на Вислу; о будущем города говорили краны и леса на недостроенных улицах, уходивших в поля. Варшава являлась крупнейшим в Европе центром еврейской культуры: оживленная музыкальная и театральная жизнь (многие актеры и музыканты бежали в Польшу из нацистской Германии), пресса на идише и иврите и множество политических и религиозных движений – от светских сионистов, мечтавших об Израиле, до хасидов, рассказывавших о чудесах в Польше²⁴.

²¹ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 2, 8; Gawron, *Ochotnik*, p. 86–99.

²² Witowiecki, *Tu mówi*, p. 54; Markert, 77, p. 55; Jezierski, [Wspomnienia], CAW, I.302.4.466.

²³ Witowiecki, *Tu mówi*, p. 54; Naruszewicz, *Wspomnienia*, p. 177. О передвижении в товарных вагонах см. также: Bujniewicz, *Kolejnictwo*, p. 58.

²⁴ Szpilman, *The Pianist*, p. 22; Richie, *Warsaw*, p. 110–114.

Джон Гилкс

Центральный вокзал Варшавы заполнили солдаты. Толкаясь, они лезли в вагоны или лежали на полу на вещмешках и спали. Переброска миллиона с лишним польских солдат к пунктам сбора на границе с Германией оказалась непосильной задачей для железнодорожной системы страны. Только через три дня после отправления из Лиды Витольд и его люди добрались до пункта высадки в Сохачеве, расположенном почти в 50 километрах западнее Варшавы. Им предстояло пройти еще более 160 километров до позиций у небольшого городка Пётркув-Трыбунальский, где они будут охранять главную дорогу на Варшаву. Многотысячный людской поток часто останавливался из-за того, что ломались подводы. Отряд Витольда двигался

на лошадях, но другим пришлось идти до места назначения пешком – весь день и почти всю ночь. «Мы с завистью смотрим на кавалерию... как они гарцуют, будто на параде, прямо сидят в седле, высокомерно смотрят на нас», – писал один из тех, кто вынужден был тащиться пешком²⁵.

Утром 1 сентября Витольд увидел на горизонте первые волны немецких бомбардировщиков «хейнкель», «дорнье» и «юнкерс» – их фюзеляжи сверкали в лучах утреннего солнца. Самолеты не снижаясь летели на Варшаву, но один бомбардировщик изменил курс и открыл огонь. Удачный выстрел – и самолет с глухим ревом рухнул на близлежащее поле, что моментально подняло боевой дух. Наступил вечер, потом ночь и новый день, а люди всё шли и шли. Теперь они выглядели такими же грязными и изможденными, как беженцы на дорогах. Наконец вечером 4 сентября – через неделю с лишним после начала пути – они отдохнули в лесу рядом с Пётркув-Трыбунальски. Вестей с фронта практически не было, но ходили многочисленные слухи, что немцы быстро продвигаются вперед. От грохота вдалеке артиллерии дрожала земля²⁶.

На следующее утро на джипе «фиат» с открытым верхом прибыл командир Витольда, майор Мечислав Гаврилкевич. Он принял командование войсками на позициях к югу от города. Гаврилкевич велел Витольду идти по дорогам, а не по лесу. Витольд понимал, что так его люди станут отличной мишенью, но ослушаться приказа не мог. Едва они выступили, как над ними с гулом пронесся немецкий истребитель. Всего через несколько минут он вернулся еще с несколькими бомбардировщиками, и самолеты атаковали колонну. Отряд Витольда бросился прочь с дороги. Лошадей спрятали в канаве, чтобы переждать бомбардировку. Самолеты зашли на второй круг, обстреляли колонну из пулеметов, а затем улетели. Потерь не было, но теперь люди уже осознавали, что ждет их впереди²⁷.

В тот вечер, проходя со своим отрядом через центр городка Пётркув-Трыбунальски, Витольд увидел, какой ад там царил. Витольд разбил лагерь на расстоянии нескольких километров от города, на небольшом возвышении, обращенном к западу, в сторону Германии. Взяв с собой восемь человек, он отправился на разведку. Из леса он впервые увидел немцев: в деревне на противоположном берегу узкой речушки была расквартирована разведывательная бронетанковая часть. Витольд вернулся, выставил часовых и еще долго смотрел, как пламя городского пожара освещает небо. Бой начнется завтра. Его люди понимали, что эта ночь может стать для них последней, и говорили о своих семьях и близких, оставшихся дома. Постепенно все уснули²⁸.

Витольд не мог знать, что именно там, где расположился его отряд, пройдут две немецкие танковые дивизии – первая и четвертая, – нацелившиеся на Варшаву. Они уже прорвали польский фронт в Клобуцке и за несколько дней продвинулись вглубь на сотню километров. Поляки ничего не могли противопоставить блицкригу – новой немецкой тактике ведения войны. Немецкие танковые соединения наносили массированные удары при поддержке пикирующих бомбардировщиков. Шестьсот танков стеной шли на парней из Лиды и двигались быстрее, чем скакали лошади поляков²⁹.

²⁵ Witowiecki, *Tu mówi*, p. 76; Gnatowski, [Wspomnienia], CAW, I.302.4.466.

²⁶ Blum, *O broń*, p. 20–41; Jezierski, [Wspomnienia], CAW, I.302.4.466. Особая благодарность Дэвиду Маккуэйду и Лукашу Политанскому за уточнение дат, когда Витольд добрался до Пётркув-Трыбунальски.

²⁷ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 8.

²⁸ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 8; Schmidtke, [Wspomnienia], CAW, I.302.4.466.

²⁹ Stoves, *Die 1*, p. 57.

На рассвете Витольд получил приказ: отступить в лес рядом с Проженье, крошечной деревушкой в десяти километрах к северо-востоку от Пётркув-Трыбунальски, где находилась штаб-квартира дивизии и стояли подводы с провиантом. Вскоре начался артобстрел. Артиллерийские удары накрывали поляков в лесу, взрывая деревья, обломки снарядов копытами вонзались в людей и лошадей. На восточном фланге бомбежка была еще сильнее. Там оставили всего один отряд, который должен был охранять въезд в город. Отряд занял оптимальные позиции для обороны, но потом дошли слухи о прорыве вражеских танков, и штаб приказал срочно отступать по главной дороге в Варшаву. Витольд замыкал колонну с обозом. Они прошли всего несколько километров и встали: впереди, у городка Волбуж, людской поток протискивался через узкий мостик. К счастью, с наступлением темноты перестали летать бомбардировщики³⁰.

В восемь часов вечера они слышали скрежет гусениц танков. Атака началась молниеносно. Танки врезались в колонну с такой силой, что находившиеся в задней ее части люди попадали с лошадей, а остальных скосило градом снарядов. Байка рухнула, пронзенная пулями. Витольд вылез из-под нее и спрятался в канаве. Он лежал рядом с еще дрожавшей лошадью, а танковые пулеметы дырявили людей и дома вдоль дороги³¹.

Чутье подсказывало ему, что нужно лежать неподвижно, но слышать вопли и стоны раненых товарищей было невыносимо. Наконец орудия затихли, он уполз с места бойни и в темноте, в поле за городом, нашел нескольких выживших солдат с лошадьми. Атака длилась всего несколько минут, но большинство его людей погибли, были ранены или попали в плен. Вместе с остальными выжившими Витольд направился в Варшаву. Он знал, что если столицу не удастся удержать, то погибнут все³².

Сначала им казалось, что они в тылу у немцев. Исполняя приказ Гитлера об уничтожении поляков, немцы бомбили и обстреливали беженцев – повсюду вдоль дорог лежали трупы, а рядом стояли телеги с вещами и мебелью. Но на следующий день, по мере того как они приближались к Варшаве, на дорогах появилось много живых людей, и Витольд понял, что они обогнали немцев. Толпы людей – мужчины, нагруженные мешками или гнавшие перед собой скотину, женщины с детьми на руках – со страхом смотрели в небо³³.

Витольд прибыл в Варшаву вечером 6 сентября. У него не было радиосвязи, и он не мог узнать о масштабах катастрофы, развернувшейся на других участках фронта: немцы прошли сквозь польскую линию обороны, как сквозь сито, и быстро окружали Варшаву. Наступления ждали в любой момент. Великобритания и Франция объявили Германии войну, но ничего не предпринимали. Польское правительство уже сбежало. К бегству готовились и британские дипломаты³⁴.

«В здании посольства, в холле, стояли брошенные ящики с вином, принадлежавшим послу, его дворецкий рыдал, на лестнице валялись кучи самых разных вещей, в том числе превосходная пара туфель для поло», – вспоминал Питер Уилкинсон, один из сотрудников

³⁰ Stoves, *Die 1*, p. 57; Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 8; Blum, *O broń*, p. 20–41; Jezierski, [Wspomnienia], CAW, I.302.4.466.

³¹ Blum, *O broń*, p. 20–41. В своих мемуарах Витольд не останавливался на этой сцене подробно. «Танки на дороге. Моя лошадь убита». Но сама скупость этих слов свидетельствует о многом. Синим карандашом он приписал на полях: «В ту ночь я дал себе клятву, приняв самое трудное в жизни решение». Он не уточнил, что это за клятва, но, зная Витольда, можно предположить, что он поклялся бороться до конца (Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 9).

³² Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 9.

³³ Kochanski, *The Eagle*, p. 69; Wilkinson, *Foreign*, p. 72.

³⁴ Kochanski, *The Eagle*, p. 48–49; Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 9.

посольства. Он проследил, чтобы перед отъездом отличную коллекцию посольских вин все-таки погрузили в пятитонный грузовик³⁵.

Единственным оборонительным сооружением, которое попало Витольду на пути в центр города, была пара перевернутых трамвайных вагонов, служивших баррикадой. Мимо бежали горожане, надев на себя, казалось, весь свой гардероб или нарядившись в яркие брюки и головные уборы, будто они собрались покататься на лыжах. Солдаты, только что прибывшие с фронта, буквально падали на тротуары. Один только их взгляд, усталый и безучастный, красноречиво свидетельствовал о произошедшем. Смолкли даже сирены, сообщавшие о воздушных налетах. Витольд остановил какого-то человека в охотничьей кепке с сигарой, чтобы спросить дорогу. Тот с ухмылкой ответил по-немецки. Это был представитель весьма многочисленного немецкого населения страны. Нацистское руководство Германии настраивало таких людей против соседей-поляков. Возмущенный Витольд ударил этого человека плашмя саблей по лицу и уехал³⁶.

Наконец он разыскал военный штаб Варшавы на улице Краковское Предместье, рядом с королевским замком. Там он узнал, что существует план обороны города и привлечения гражданских лиц к строительству баррикад и подготовке к осаде. Витольду выдали овес и сено для лошади, но не сказали, в какое подразделение вступить и что вообще делать. Он решил, что лучше уйти и присоединиться к польским частям, которые собирались на востоке для ответного удара. Девятого сентября, когда немцы уже почти окружили Варшаву, Витольд и его товарищи укрылись в городе Лукув в 80 километрах к юго-востоку от столицы. Он рассчитывал найти там главный штаб польской армии. К моменту прибытия Витольда немцы уже разбомбили Лукув, превратив его в дымящиеся руины. Женщина-крестьянка лежала рядом с воронкой, ее юбка задралась, обнажив белые ноги. Рядом валялась разорванная на куски лошадь³⁷.

В Лукуве Витольду сказали, что командование отступило в следующий город, но и там история повторилась. Так происходило снова и снова, город за городом оставались позади, разрушенные и опустошенные. Стратегия Германии заключалась в том, чтобы наносить воздушные удары по городам и инфраструктуре намного раньше наступления наземных войск – это не позволяло полякам перегруппировать свои силы. Бомбежке подверглась даже железнодорожная станция в родном городе Витольда, Лиде, расположенном достаточно далеко от линии фронта. Тысячи солдат и гражданских жителей шли по дорогам на восток, а немецкие самолеты преследовали их и совершали налеты. «Теперь мы уже не армия, не батарея, не отряд, – вспоминал один солдат, – теперь каждый сам по себе, и все бредут куда-то совершенно без цели»³⁸.

Нужно было смотреть правде в глаза. Витольд знал, что Польша снова потеряла независимость, и перед ним, как перед каждым поляком, встал вопрос: сдаться или бороться, понимая всю безнадежность борьбы? Первый вариант был для него категорически неприемлем. Тринадцатого сентября немецкие бомбардировщики настигли их в городе Влодава, в 240 километрах к востоку от Варшавы. Но там Витольду хотя бы удалось найти офицера, которого он знал еще по «большевистской кампании» – майора Яна Влодаркевича. Майор готовился занять оборону. Влодаркевич – невысокий, крепко сложенный мужчина с пластикой боксера – получил приказ стянуть силы к венгерской границе. Как и Витольд, он собирал оставших бойцов. Витольд и Ян объединились, и дело пошло лучше. На пути к границе они наткнулись на других

³⁵ Wilkinson, *Foreign*, p. 73.

³⁶ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 10.

³⁷ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 10. Группа британцев из военной миссии спасала людей из-под обломков и сумела вытащить жену почтмейстера посольства, польку. Британская миссия покинула страну лишь через несколько дней. В ее составе находился и Колин Габбинс, которому предстояло сыграть важную роль в истории Витольда (Wilkinson, *Foreign*, p. 77).

³⁸ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 10; Karski, *Story*, p. 11. До войны Карского звали Ян Козелевский, но он более известен под своим позывным, позже ставшим его новой фамилией.

командиров, среди которых был и майор Гаврилкевич, по-прежнему разъезжавший с шофером. Каждый передвигался в отдельной машине. Офицеры выглядели удивительно невозмутимыми. Они объяснили, что планируют собрать войска за пределами страны, чтобы продолжить борьбу. Для Витольда это было равносильно дезертирству. Он начал было возражать, но офицеры просто пожали плечами и уехали³⁹.

Витольду и Яну пришлось разрабатывать собственный план. Двигаться дальше к границе было бессмысленно – рано или поздно немцы заметят их. Именно поэтому они направились в лес: оттуда можно было совершать партизанские вылазки, а кроме того, они надеялись найти достаточно единомышленников для более масштабных операций. Несколько раз они нападали на немецкие колонны и даже совершили набег на небольшую взлетно-посадочную полосу и взорвали самолет, но Витольд знал: от подобных действий мало толку. Немцы повсюду расставляли контрольно-пропускные пункты, поэтому партизаны вынуждены были прятаться в чащах и на болотах и добывать пищу в лесу или у местных крестьян, дома которых стояли на отшибе. Непрерывно шли дожди. Вода ручьями текла по спине, а ноги вязли в грязи⁴⁰.

В конце сентября они узнали, что с востока на территорию Польши вошли советские войска⁴¹. Сталин утверждал, что хочет защитить национальные меньшинства Польши, но большинство поляков восприняли его намерения однозначно: советский диктатор решил отхватить свою часть добычи. Все надежды Витольда на то, что ему удастся собрать достаточно сил для сопротивления, рухнули. Теперь у него была другая беда: учитывая то, что он и его родственники участвовали в войне против русских, Марии и детям грозила опасность⁴².

Варшава сдалась 28 сентября. После ухода Витольда город держался еще две недели. Гитлер был в ярости и приказал своим генералам сделать так, чтобы небо над Варшавой почернело от бомб, а люди утонули в крови. В результате воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов погибли сорок тысяч человек, двадцать процентов городских зданий были разрушены или серьезно повреждены. Бомбили школы, больницы, церкви. Старый город лежал в руинах, а от нового оперного театра, самого большого в Европе, осталось лишь несколько колонн. Десятки тысяч людей, лишившихся крыши над головой, пытались укрыться среди развалин⁴³.

Витольд знал о трагедии, постигшей Варшаву, только по слухам. Вместе с Яном он прятался в лесах в окрестностях Любартува. Витольд понимал: борьба за освобождение страны будет происходить не здесь, а в Варшаве, где сосредоточена центральная власть. Они приказали своим людям закопать оружие и переоделись в гражданскую одежду, которую раздобыли у местных жителей. Витольду достался старый овечий полушубок⁴⁴.

Они снова двинулись на запад, но люди по одному отставали от отряда, чтобы зайти к себе домой. Прежде чем войти в Варшаву, Витольд решил сделать крюк и заехать в Остров-Мазовецку – городок, расположенный в 100 километрах к северу от столицы. В этом городе жила мать Марии, Франчишка. Он надеялся, что Мария и дети будут там. Витольд и Ян пожали друг другу руки и договорились через пару недель встретиться в Варшаве, на квартире матери Яна. «Мы закончим начатое», – решительно сказал Ян⁴⁵.

³⁹ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 11.

⁴⁰ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 11.

⁴¹ Это произошло 17 сентября 1939 года. В рамках Секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР две страны определили границу сфер своих интересов в Польше по линии рек Нарев, Висла и Сан.

⁴² Kochanski, *The Eagle*, p. 76–79.

⁴³ Kochanski, *The Eagle*, p. 89–90.

⁴⁴ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 11; из беседы с Пилецким, 11 марта 2016 года.

⁴⁵ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 13.

Несколько дней Витольд пробирался через поля и густые заросли, пока наконец не вышел к реке Буг неподалеку от Острув-Мазовецки. Эта быстрая речка стала новой границей между немецкими и советскими войсками. Берег, на котором был Витольд, патрулировали советские солдаты. Он прятался до темноты, а затем уговорил местного рыбака переправить его через реку во время смены караула. Лодку качало и сносило течением, но они все-таки добрались до немецкого берега, огороженного колючей проволокой. Витольд нашел место, где можно было проскользнуть сквозь преграду, и поспешил в Острув-Мазовецку, до которой оставалось несколько километров⁴⁶.

Дом семьи Островских

В городе стояла зловещая тишина. Евреи составляли половину семнадцатитысячного населения города, и многие из них бежали на территории, занятые советскими войсками. Их магазины и дома были разграблены или заселены польскими семьями. Франчишка жила в доме на окраине города. Витольд увидел немецкие машины, припаркованные напротив ее дома, во дворе пивоваренного завода, ставшего штаб-квартирой немецкой тайной полиции (гестапо). Он вошел с черного хода. Франчишка была дома, живая и здоровая, но про Марию она ничего не знала. Витольд уснул на диване в гостиной, а Франчишка тем временем налила себе вина, чтобы успокоить нервы⁴⁷.

Позже он узнал о новом суровом порядке, который нацисты установили в городе. Немцы схватили несколько сотен жителей города, заперли их в здании гимназии, затем поделили на поляков и евреев. Католиков быстро освободили, а евреев определили в рабочие отряды.

⁴⁶ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 13.

⁴⁷ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 13.

Немцы призывали этнических поляков издеваться над евреями и доносить, где расположены магазины евреев, чтобы их можно было разграбить. Когда евреев выселяли из домов, некоторые соседи-католики глумились над ними. Однако большинство жителей отказались идти на поводу у немцев. Мэр города спрятал в подвале своего дома еврейскую семью. Свою скромную лепту вносили и родители Марии: они разрешали убежавшим из города евреям рвать яблоки в своем саду⁴⁸.

Витольд почти не рассказывает о своем пребывании в Острове-Мазовецке. Вероятно, его тревожили проявления антисемитизма среди местных жителей – такие настроения явно были на руку немцам. Каждое утро он просыпался и молился, чтобы Мария с детьми вошла в дверь, и каждую ночь ложился спать с мыслями о худшем⁴⁹.

Наконец он, видимо, предположил, что Мария осталась в Крупе – она могла спрятаться у друзей. Теперь ему предстояло выбрать: ждать семью или возобновить борьбу против немцев. Если Мария с детьми оказалась бы в дороге, шансы найти их были бы крайне малы, учитывая то, сколько людей бежало через границу. В любом случае решение было очевидным: родина превыше семьи. Утром 1 ноября, в День всех святых, он взял велосипед и поехал в Варшаву на встречу с Яном. В этот день по традиции на кладбищах ставили свечи и живые молились за мертвых, но у Витольда не было на это времени: он отправился в столицу, чтобы продолжить борьбу⁵⁰.

⁴⁸ Widelec, *Diary*, цит. по: Margolis, *Memorial*, p. 422; Lewitt, *When*, цит. по: Margolis, *Memorial*, p. 442; Nejmark, *The Destruction*, цит. по: Margolis, *Memorial*, p. 445; Dekel, [Browar], p. 15, 101; Hodubski, *Protokół, Ostrów Mazowiecka*, August 5, 1947, IPN, BI 407/63, K 296/47, GK 264/63, SOŁ 63, p. 0343–0344; Słuchowski, [Wspomnienia], IP, 019 Sluchonski_Artur_2_skan_AK; из беседы с Пилецким, 11 марта 2016 года.

⁴⁹ Из беседы с Пилецким, 11 марта 2016 года.

⁵⁰ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14.

Глава 2. Оккупация

Варшава, 1 ноября 1939 года

Подъезжая к городу на своем расшатанном велосипеде, Витольд не знал, что его там ждет и как именно он будет бороться. На главной дороге на Варшаву повсюду стояли немецкие КПП, поэтому Витольд передвигался по проселочным дорогам, попутно собирая обрывки новостей. Несмотря на то что не было никакой информации о попытках вмешательства со стороны англичан или французов, Витольд полагал, что это вот-вот произойдет. Единственный шанс изгнать немцев – спланировать восстание и начать его одновременно с наступлением союзников. Витольд знал: он найдет единомышленников, он должен приступить к созданию сети⁵¹.

Витольд слился с толпой, переходившей Вислу по единственному уцелевшему мосту. На противоположном берегу он увидел разрушенные здания Варшавы, и это зрелище наверняка потрясло его. Центр города пережил шквал немецких бомбардировок. Улицы были завалены обломками зданий, и людям приходилось пробираться сквозь груды щебня. Сотни горожан останавливались на перекрестке Маршалковской улицы и Иерусалимских аллей, чтобы зажечь свечи перед гигантской насыпью из кирпича и камня, отмечавшей самую большую братскую могилу в городе. Под ногами скрипело стекло из выбитых окон. Йозеф Геббельс, министр пропаганды Третьего рейха, после посещения Варшавы пришел к выводу: «Это ад. Город лежит в руинах. Наши бомбы и снаряды постарались на славу». И даже в немногих уцелевших местах Варшавы кое-что изменилось. «На первый взгляд все выглядело как раньше, но что-то было не так, появилась какая-то странная атмосфера, будто весь город в трауре», – вспоминал очевидец⁵².

Витольд добрался до квартиры одного из своих приятелей в южной части города. Шок и смятение от увиденного уступили место прагматическим соображениям: нужно понять планы нацистов и решить, как организовать сопротивление. Чудовищная расистская идеология Гитлера уже дала о себе знать. Еще в сентябре Гитлер объявил о присоединении Западной Польши к Третьему рейху, и более пяти миллионов поляков-католиков и евреев были согнаны со своих земель, чтобы освободить место для немецких поселенцев. Оставшаяся часть Польши, включая Варшаву и Краков, должна была стать немецкой колонией. Генерал-губернатором оккупированных польских территорий Гитлер назначил своего бывшего адвоката Ганса Франка, который получил приказ безжалостно эксплуатировать поляков и установить жесткую расовую иерархию⁵³.

Согласно этой идеологии, немцы являлись господствующей расой. Польские граждане, сумевшие доказать свое немецкое происхождение, также причислялись к господствующей расе. Они получали рабочие места в администрации, недвижимость, конфискованную у евреев, и имели исключительное право пользования парками, городскими телефонами и такси. Места в общественном транспорте и кинотеатрах разделили на зоны, а на дверях магазинов появились таблички «Полякам и евреям вход воспрещен»⁵⁴.

⁵¹ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14.

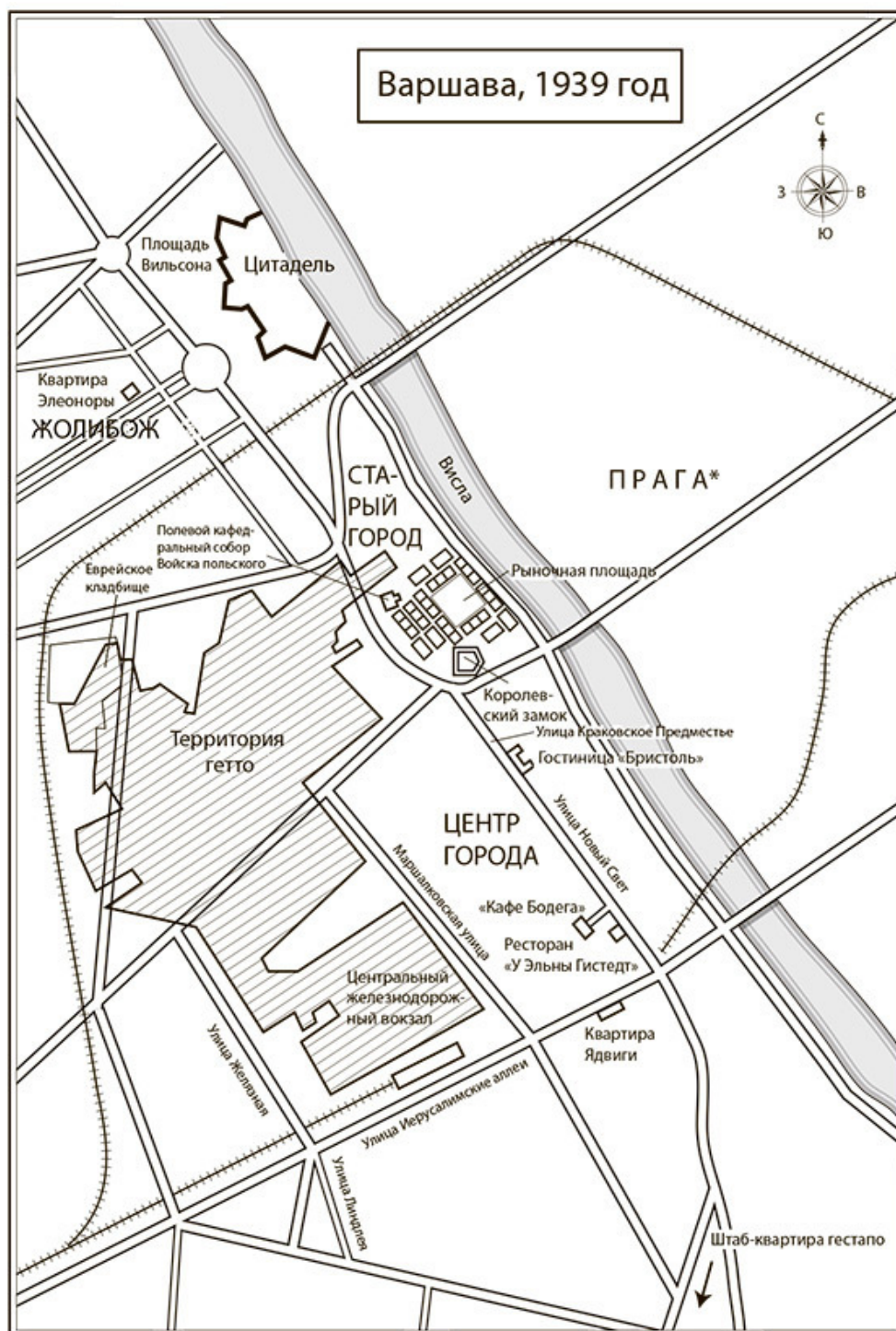
⁵² Nowak, *Courier*, p. 58; Richie, *Warsaw*, p. 147; Goebbels, *Diaries*, p. 37; Landau, *Kronika*, vol. I, p. 48; Korboński, *Fighting*, p. 7; Bryan, *Warsaw*, p. 19, 25. По оценкам Брайана, на город падало от десяти до тридцати тысяч снарядов ежедневно (Bryan, *Warsaw*, p. 24).

⁵³ Frank, *Extracts*, p. 368, цит. по: O'Connor, *Butcher*, loc. 2008.

⁵⁴ Olsson, *For Your*, p. 203.

Этнические поляки, как представители неполноценной славянской расы, должны были заниматься тяжелым трудом. Гитлер считал их арийцами, в жилах которых текла германская кровь, разбавленная кровью других рас. Той осенью нацисты заставили работать на Третий рейх десятки тысяч поляков. Сопротивление подавляли эскадроны смерти, известные как айн-зацгруппы. Они расстреляли около пятидесяти тысяч человек: это были представители польской интеллигенции и квалифицированные работники – юристы, учителя, врачи, журналисты. Жертвой мог стать любой, кто производил впечатление образованного человека. Их похоронили в братских могилах. Газеты подвергались цензуре, радио было под запретом, а средние школы и университеты нацисты закрывали на том основании, что образование нужно полякам только для того, «чтобы они знали, для чего предназначены в силу своего этнического происхождения»⁵⁵.

⁵⁵ Snyder, *Black*, loc. 423; Lukas, *Forgotten*, loc. 72. Первыми, кого немцы стали использовать для тяжелого принудительного труда, были польские военнопленные (Herbert, *Hitler's*, p. 61–94). Женевская конвенция запрещала принуждать военнопленных к физическому труду, но после того, как немцы разрушили польское государство, пленных «освободили» от этого статуса (Tooze, *Wages*, loc. 6701). К весне 1941 года в Германию прибыли еще двести тысяч работников из Польши (Frank, *Extracts*, p. 110, цит. по: Kochanski, *The Eagle*, p. 98).

*) —⁵⁶ Джон Гилкс

⁵⁶ Район Варшавы.

Польских женщин ведут на расстрел. 1939 год.

Предоставлено Национальным цифровым архивом Польши

В самом низу расовой иерархии находились евреи, которых Гитлер вообще не считал людьми – скорее, паразитическим подвигом человека, стремящимся уничтожить немецкий народ. Гитлер пригрозил истребить всех европейских евреев, если «международные еврейские финансисты» спровоцируют новую мировую войну. Однако осенью 1939 года нацистское руководство еще не до конца сформулировало свои планы в отношении евреев. В результате оккупации Польши под властью нацистов оказалось два миллиона евреев – в десять раз больше численности еврейского населения Германии. В сентябре Рейнхард Гейдрих, заместитель главы СС, разъяснил своим подразделениям, что еврейский вопрос нужно решать постепенно. Он приказал сосредоточить евреев в городах и подготовить их к выселению в резервацию у новой границы с Советским Союзом. Евреям предписывалось носить на рукаве или на груди «звезду Давида» и так же помечать свои магазины и мастерские. Их подвергали всяческим преследованиям. «Приятно наконец... иметь возможность разобраться с еврейской расой физически, – заявил Ганс Франк в своей речи в ноябре. – Чем больше их умрет, тем лучше»⁵⁷.

Витольд наверняка читал официальные указы Франка, расклеенные на фонарных столбах по городу. Он понимал, что немцы хотят уничтожить Польшу, разорвав ее социальную структуру и натравив этнические группы друг на друга. Но он видел и проявления протеста: листовки со словами «Нам плевать» (буквальный перевод польского выражения звучит так: «Вы у нас глубоко в заднице») и гигантский плакат в центре города с изображением Гитлера, которому пририсовали закрученные усы и длинные уши. Это внушало надежду. Девятого ноября Витольд связался со своим товарищем Яном Влодаркевичем и организовал встречу потенциальных новобранцев в квартире своей невестки в Жолибоже, районе на севере Вар-

⁵⁷ Snyder, *Black*, loc. 196; Hilberg, *The Destruction*, p. 64–74; Winstone, *Dark*, loc. 1693.

шавы. Витольд шел по мокрым от дождя улицам. Он торопился: нужно было успеть до семи часов вечера, до наступления комендантского часа⁵⁸.

Его невестка, Элеонора Островская, жила в двухкомнатной квартире на третьем этаже. Хотя Жолибож пострадал от бомбежек меньше, чем другие районы города, в большинстве квартир были выбиты окна и отсутствовало электричество. Элеонора открыла дверь и впустила Витольда. У ее ног ползал двухлетний сын Марек. Витольд и Элеонора были едва знакомы. Элеонора, жена брата Марии, была милой, крепко сложенной тридцатилетней женщиной с тонкими губами, бледно-голубыми глазами и русыми волосами, собранными в пучок. Ее муж Эдвард, офицер кавалерии, пропал без вести в самом начале войны, и ей приходилось совмещать заботу о Марек со службой в министерстве сельского хозяйства – одном из немногих правительственных ведомств, не закрытых нацистами⁵⁹.

Вход в дом номер 40 на проспекте Войска Польского.

Предоставлено Государственным музеем Аушвиц-Биржанау

Вскоре пришел Ян. Он тяжело дышал и с трудом поднялся по ступеням. По пути в Варшаву он был ранен – ему прострелили грудь. К счастью, пуля не задела жизненно важные органы, и он отлеживался у матери. Затем пришли еще несколько человек, в основном офицеры и студенты-активисты, отобранные Яном. Элеонора заклеила окна бумагой, но в квартире все равно было холодно. Не снимая верхней одежды, они сгрудились вокруг обеденного стола, на который Элеонора поставила свечу⁶⁰.

⁵⁸ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14; Bartoszewski, 1859, p. 91; Sobolewicz, *But I*, p. 70; Lukas, *Forgotten*, loc. 942. Попытки отравления врагов со временем стали более изощренными. См.: Rowecki, [Meldunek], August 13, 1941, in Iranek-Osmecki et al., *Armia*, vol. II, p. 36; Ostrowska, [Wspomnienia 1], p. 2; Malinowski, *Tajna*, p. 27; Nowak, *Courier*, p. 59; Frank, *Extracts*, p. 5896; Bartoszewski, 1859, p. 99.

⁵⁹ Ostrowska, [Wspomnienia 1], p. 2; из беседы с Островским, 1 мая 2016 года и 10 октября 2017 года.

⁶⁰ Из беседы с Островским, 1 мая 2016 года; Tereszczenko, *Wspomnienia*, p. 83.

Ян огласил свои неутешительные выводы относительно их положения: Польша проиграла, потому что руководство страны не сумело создать католическую нацию и использовать веру как основу для борьбы с захватчиками. Ян считал, что поражение Польши следует воспринимать как шанс на восстановление страны. При этом нужно опираться на христианские верования и стараться пробудить религиозный пыл молодого поколения. В дальнейшем он надеялся на поддержку со стороны правых сил, но на данный момент планировал обратиться к широким слоям населения и призвать людей сопротивляться двойной оккупации страны⁶¹.

Элеонора Островская. 1944 год.
Предоставлено Марек Островским

Витольд, как и многие люди в Варшаве, определенно разделял чувства Яна и его недовольство действиями польского правительства, но он редко посвящал в свои мысли других и опасался, что откровенно религиозная трактовка их миссии оттолкнет потенциальных сорат-

⁶¹ *Znak*, [Deklaracja], AAN, 2/2505/0/-/194, р. 3; из беседы с Терещенко, 1 ноября 2016 года; Ostrowska, [Wspomnienia 1], р. 3.

ников. В то время он больше думал о перспективах организации эффективного подпольного сопротивления⁶².

До глубокой ночи они обсуждали стратегию, затем перешли к распределению ролей. Ян будет руководителем, Витольд – главным вербовщиком. Организацию назвали Тайная польская армия (*Tajna Armia Polska*). На рассвете они покинули квартиру Элеоноры и, соблюдая все меры предосторожности, отправились к Полевому кафедральному собору Войска польского – эта церковь в стиле барокко находилась на окраине Старого города. Там они попросили знакомого священника засвидетельствовать их клятву. Стоя на коленях перед слабо освещенным алтарем, они поклялись служить Богу, польскому народу и друг другу. Священник благословил их, и они ушли – усталые, но воодушевленные⁶³.

Витольд начал вербовать людей. Зима в тот год наступила рано. Часто шел снег, Висла замерзла. В городе уже действовало около сотни подпольных ячеек. Среди них были объединения, которыми руководили военные, были коммунистические и профсоюзные организации, группы творческих работников, была даже группа химиков, задумавших применить в войне биологическое оружие. Немцы контролировали популярные места встреч, такие как гостиницы «Бристоль» и «Адрия», но появились и новые точки сбора подпольщиков. Эти места называли подпольными явками. Одним из таких мест был ресторан «У Эльны Гистедт», названный в честь шведской опереточной певицы, которая открыла его специально для того, чтобы обеспечить работой своих друзей-артистов. За столиками ресторана собирались кучки заговорщиков. Большинство из них знали друг друга. Люди делились слухами или новостями из нелегальных радиоточек о контрнаступлении союзников, которое ожидалось весной⁶⁴.

В это же время возле центрального железнодорожного вокзала вырос черный рынок, где торговали одеждой и продуктами, долларами, драгоценностями и поддельными документами. Крестьяне контрабандой везли из сел и деревень товары: под одеждой, в потайных сумках и даже в бюстгальтерах⁶⁵.

«Никогда раньше не видел я таких огромных бюстов, как в то время в Польше», – вспоминает Стефан Корбоński, участник подполья. Один предприимчивый контрабандист провез в город туши свиней, спрятав их в гробах. Немцы, занятые созданием своей администрации, проверяли грузы формально, а если и ловили кого-то на контрабанде, могли отпустить за взятку или, в редких случаях, за остроумную шутку – как это было с контрабандистом, который пытался замаскировать рысака под крестьянку. «Когда жандармы обнаружили подлог, даже они, начисто лишённые чувства юмора, чуть не умерли со смеху», – писал Корбоński⁶⁶.

Витольд избегал публичных собраний и отдавал предпочтение новобранцам, отличавшимся, как и он сам, природной сдержанностью и скрытностью. Он быстро осознал суть работы подпольщика. Национальность, язык, культура – это важные скрепляющие узы в любой группе, но для его людей самым главным было доверие. Акт вербовки означал, что от новобранца теперь зависит жизнь Витольда, и наоборот. Иногда люди, которых выбирал Витольд, удивлялись, почему он им доверился⁶⁷.

⁶² Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14–15.

⁶³ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14; Malinowski, *Tajna*, p. 29.

⁶⁴ Garliński, *Fighting*, p. 43; Nowak, *Courier*, p. 71; Korboński, *Fighting*, p. 11, 157; Thorsell, *Warszawasvenskarna*, p. 134; Szarota, *Okupowanej*, p. 223–225.

⁶⁵ Korboński, *Fighting*, p. 183; Szpilman, *The Pianist*, p. 48; Garliński, *Fighting*, p. 43; Nowak, *Courier*, p. 71; Korboński, *Fighting*, p. 11.

⁶⁶ Korboński, *Fighting*, p. 219; Gistedt, *Od operetki*, p. 92.

⁶⁷ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14; Неизвестный автор, [Zasady konspiracji], AAN, 2/2505/0/-/194.

«Почему ты мне доверяешь?» – спросил Витольда один мужчина⁶⁸.

«Мой друг, мы должны доверять людям», – ответил Витольд⁶⁹.

Витольду не всегда удавалось верно определить темперамент человека, и он постоянно тревожился, что какой-нибудь излишне пылкий участник группы выдаст их. В ту зиму Тайная польская армия составила инструкцию для новобранцев, в которой предупреждала: «...люди слишком увлекаются подпольной деятельностью, и тогда их очень легко поймать... Если мы хотим отомстить немцам, то должны суметь выжить до тех пор, пока не получим шанс»⁷⁰.

Витольд прилагал все силы к тому, чтобы воспитать свою молодую армию. К декабрю в организации насчитывалось около ста человек, в основном это были молодые мужчины. «Он очень внимательно ко всем относился, – вспоминала Элеонора. – Он переживал за людей». Один солдат, которого Витольд завербовал, шутил, что у их группы есть собственная «няня». Витольду стала нравиться его работа. Он удивлялся тому, насколько легко ему давалась подпольная деятельность. Строгие рамки его прежней жизни теперь ничего не значили. Он дышал так свободно, как никогда прежде⁷¹.

Витольд понимал, что его группа не в силах напрямую противостоять оккупантам, но считал, что его люди могут отлично справиться с заданиями по сбору разведданных. Ежи Скочиньский, начальник разведывательного отдела Тайной польской армии, имел связи в полиции. Немцы не стали упразднять польскую полицию и возложили на нее основные обязанности по обеспечению правопорядка. Полицейских часто заранее информировали о крупных операциях. Получив информацию от своих осведомителей, Витольд и его товарищи предупреждали тех, против кого готовился рейд. Но нацисты действовали с такой поразительной скоростью, что участники подполья не всегда успевали сориентироваться⁷².

В ту зиму были сильные морозы. Эсэсовцы начали в массовом порядке депортировать поляков из недавно аннексированных западных провинций. Поляки должны были освободить земли для немецких переселенцев. На центральный железнодорожный вокзал Варшавы ежедневно прибывали составы из вагонов для перевозки скота, под завязку набитых полумертвыми от холода мужчинами, женщинами и детьми. Когда вагоны открывали, окоченевшие трупы падали на землю, словно статуи. Оставшиеся в живых люди ночевали посреди городских руин или просились в дома друзей и родственников, и без того уже переполненные. К январю 1940 года было депортировано более 150 000 граждан Польши – как католиков, так и иудеев, – и планировалось изгнать еще сотни тысяч человек⁷³.

Однако немцы и не думали готовиться к притоку беженцев в город. Ганс Франк, генерал-губернатор оккупированной Польши, объявил о нормах питания по всей стране: 600 килокалорий в сутки для так называемых арийских поляков и 500 килокалорий – для евреев, что составляло лишь треть от необходимой для выживания суточной нормы (немцы в Польше имели право на 2600 килокалорий в день). Немцы выпустили продуктовые карточки, которые можно было отоваривать только в определенных магазинах. Людям выдавали по этим карточкам крайне ограниченный список продуктов: хлеб, испеченный с добавлением «муки» из опилок, мармелад из свеклы, горький кофе из желудей и картофель – единственный продукт, входивший в рацион всех категорий граждан. Частично восполнить дефицит помогал черный рынок, но многие люди голодали. Толпы исхудавших беженцев попрошайничали на углах городских улиц⁷⁴.

⁶⁸ Rablin, *Oświadczenia*, vol. 29, APMA-B, p. 82.

⁶⁹ Rablin, *Oświadczenia*, vol. 29, APMA-B, p. 82.

⁷⁰ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14; Неизвестный автор, [Zasady konspiracji], AAN, 2/2505/0/-/194.

⁷¹ Ostrowska, [Wspomnienia 1], p. 3–4; Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14.

⁷² Malinowski, *Tajna*, p. 100.

⁷³ Szpilman, *The Pianist*, p. 54; Dwork, van Pelt, *Auschwitz*, p. 144.

⁷⁴ Tooze, *Wages*, loc. 6789; Szpilman, *The Pianist*, p. 54; Szarota, *Okupowanej*, p. 203. См.: *Ziemniaki na pierwsze... na drugie...*

Вскоре из-за антисанитарии и перенаселенности в городе началась эпидемия тифа. Болезнь разносили вши. Во время Первой мировой войны от тифа серьезно пострадал восточный фронт, и не было в мире другой болезни, которой немцы боялись бы столь же сильно. Нацистские чиновники считали, что тифу особенно подвержены евреи, поэтому, чтобы сдерживать распространение инфекции, они ускорили процесс заключения евреев в огороженное гетто в Варшаве⁷⁵.

Кроме того, немцы жестоко преследовали своих реальных или воображаемых врагов. Несколько подпольных групп были пойманы и расстреляны в лесу у села Пальмиры под Варшавой. Среди убитых были адвокаты, стоматологи и даже лучший шахматист страны. Однако подобные карательные меры вели только к тому, что неосторожных вылазок становилось все меньше, а подпольщики приобретали опыт и мастерство. После череды арестов сформировалась одна наиболее сильная организация – Союз вооруженной борьбы (*Związek Walki Zbrojnej*)⁷⁶. Организацию поддерживало польское правительство в изгнании, созданное во Франции осенью 1939 года. Некоторые члены Тайной польской армии видели в Союзе вооруженной борьбы своих конкурентов. Но Витольд считал, что в момент восстания им нужно будет объединить усилия⁷⁷.

Тем временем группа Витольда начала устраивать акции против польских коллаборантов. Ими были в основном этнические немцы, которых в Польше насчитывалось не меньше миллиона человек. «В любой общине есть те, кто не испытывает угрызений совести, стремясь облегчить себе жизнь или донося на надоевшего мужа, жену или любовницу», – заметил один из подпольщиков. Какими бы ни были мотивы доносчиков, эти люди представляли реальную угрозу для подполья, и их следовало устранять⁷⁸.

Информаторы часто собирались в подвальном ночном клубе рядом с улицей Новый Свет. Клуб назывался «Кафе Бodega». Заведение принадлежало польке, но она была женой итальянского посла, поэтому клуб не закрывали, несмотря на то что там играли джаз, который и привлекал посетителей. Отвращение Гитлера к «музыке негров» было хорошо известно, но официально джаз не запрещали, и гестапо мирилось с «Кафе Бodega». Темный и шумный зал клуба служил идеальным местом для встреч с информаторами – встречи проходили у барной стойки или за столиком рядом с эстрадой⁷⁹.

Люди Витольда устроили небольшой наблюдательный пункт над типографией напротив входа в клуб. Они следили за посетителями и фотографировали вероятных информаторов. Кроме того, они работали с персоналом клуба и выясняли, какие разговоры удалось подслушать. Время от времени они подсылали к гестаповцам ложных информаторов, которые доносили на настоящих коллаборантов, обвиняя их в каком-нибудь выдуманном преступлении. В «Кафе Бodega» теперь часто можно было увидеть, как наряд гестаповцев тащит наружу протестующего «стукача». Руководителем и барабанщиком джаз-бэнда был Джордж Скотт – сын афроамериканца и польки, которые познакомились, работая в цирке. Мелодии джазового оркестра звучали одна за другой, не замолкая ни на минуту⁸⁰.

na trzecie (картошка на первое... на второе... и на третье) Зофии Серафиньской, а также: *Sto potraw z ziemniaków* (Сто блюд из картошки) Bolesława Kawecka-Starmachowa; Pilecki, [Raport 1945], PUMST, BI 874, p. 5.

⁷⁵ Allen, *The Fantastic*, loc. 212. На тот момент в Польше было уже несколько гетто, первое создано в Пётркув-Трыбунальски в октябре 1939 года (Winstone, *Dark*, loc. 1856); Frank, *Extracts*, p. 5896.

⁷⁶ В 1942 году Союз был преобразован в Армию Крайову, ставшую основной подпольной организацией польского Сопротивления. Помимо борьбы с нацистами она также ставила задачу противодействовать советской власти на западных территориях Белоруссии и Украины. Отношения Армии Крайовой с СССР варьировались от сотрудничества до прямого военного противостояния. *Прим. науч. ред.*

⁷⁷ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14; Bartoszewski, 1859, p. 70.

⁷⁸ Malinowski, *Tajna*, p. 53, 100; Nowak, *Courier*, p. 63.

⁷⁹ Malinowski, *Tajna*, p. 39; Zwerin, *Swing*, p. 64.

⁸⁰ Zwerin, *Swing*, p. 64.

Джордж Скотт со своим джаз-бэндом. Ок. 1941 года.

Предоставлено Национальным цифровым архивом Польши

Весной Витольд наконец получил известие, что Мария с детьми приехала к матери в Остров-Мазовецку. Он сразу же сел в один из тех дряхлых автобусов, которые редко подвергались досмотрам немцев, и поспешил к семье. С тяжелым чувством выслушал он рассказ Марии об их бегстве и о ситуации на востоке страны, оккупированном Советским Союзом.

Советские власти депортировали поляков в Сибирь и Среднюю Азию. Накануне Рождества Марию предупредили, что их скоро арестуют. Она быстро собрала самые необходимые вещи и сбежала на подводе, бросив на произвол судьбы их пса Нерона. Почти всю зиму Мария с детьми пряталась у друзей в Крупе. Когда морозы ослабели, они сели на поезд, который шел к новой границе между Советским Союзом и Третьим рейхом. Мария надеялась добраться до дома своей матери. В маленьком городке Волковыске, в 30 километрах от границы, их остановила советская милиция. Марию увели на допрос в подземный бункер рядом с железнодорожной станцией, а детям пришлось ночевать в ратуше неподалеку. Марию выпустили на следующее утро, у нее отобрали все деньги и обручальное кольцо. Все это время восьмилетний Анджей сидел в оцепенении от страха и холода⁸¹.

Они добрались до двоюродного брата Марии, который жил в соседнем городе, отдохнули неделю и предприняли новую попытку пересечь границу. На этот раз они заплатили проводнику, и тот ночью провел их через пограничную линию. Ночь была морозная, полная луна освещала пустынную, продуваемую ветром местность. На половине пути Анджей споткнулся, упал на моток колючей проволоки и зацепился за него своим овечьим полушубком. Пытаясь

⁸¹ Из беседы с Пилецким, 17 мая 2016 года; из беседы с Пилецкой-Оптулович, 17 мая 2016 года; из беседы с Лапианом, 15 мая 2017 года.

освободить Анджея, они попали в луч немецкого прожектора. Их поймали, но им повезло: пограничники не проявили к ним интереса и отпустили их⁸².

Когда они добрались до Острув-Мазовецки, Мария увидела, что город опустошен: таковы были последствия применения нацистской расовой политики. Ей рассказали, что 11 ноября немцы отвели 364 еврея – мужчин, женщин и детей – в лес за городом и расстреляли. Этот расстрел стал одним из первых подобных массовых убийств. Место казни находилось всего в полутора километрах от дома матери Марии и примыкало к семейному саду, где любил играть Анджей. (Ему запретили ходить туда, но он все-таки не послушался и нашел среди деревьев промокшую кепку маленького мальчика⁸³.)

Витольд сделал все возможное, чтобы обустроить быт семьи, а затем поспешил в Варшаву с новым срочным делом. В Варшаве Витольд узнал, что Ян увлекся антисемитскими настроениями. Витольду было известно, что Ян собирается издавать новостной бюллетень от имени их организации. В подполье выходило много изданий самых разных политических оттенков – в 1940 году издавалось восемьдесят четыре наименования. Ян планировал посвятить свой бюллетень моральным принципам Сопротивления⁸⁴.

Витольд не возражал против этой идеи и даже помог организовать один из пунктов раздачи листовок в продуктовом магазине на улице Железной, где он тогда жил. Но в первых же выпусках «Знака» он увидел статьи, словно перекопавшие из манифестов довоенных правых групп: пафосные речи о Польше для поляков и о создании истинно христианского государства. Подобные заявления слишком сильно напоминали взгляды ультранационалистов, которые считали нацистскую оккупацию одним из способов навсегда избавиться от евреев⁸⁵.

Витольд как можно деликатнее объяснил Яну, что поляки должны сплотиться на фоне усиливавшихся немецких репрессий. Ядвига Терещенко, ответственная за выпуск бюллетеня, поднимала вопрос об антисемитизме среди поляков на ночных встречах с другими редакторами на своей квартире, но они развеяли ее опасения: евреи сами не знали, чью сторону занять, поэтому будет лучше, если они уедут. Между тем вокруг гетто строили высокий забор и переселяли туда еврейские семьи. Среди выселенных в гетто людей оказался и сосед Ядвиги по лестничной клетке. Вместо того чтобы помогать евреям, поляки растаскивали из опустевших квартир буквально все. Ядвига верила, что поляки должны очнуться, и для начала нужно напомнить им о заповеди «возлюби ближнего»⁸⁶.

Однако Ян не передумал и приступил к работе над манифестом правого толка, судя по всему, желая превратить их организацию в политическое движение. Кроме того, он начал вести переговоры с националистическими группами о возможном объединении – в том числе с теми, чьи участники высказывали планы создания нацистской марионеточной администрации. Ян

⁸² Из беседы с Пилецким, 16 мая 2016 года.

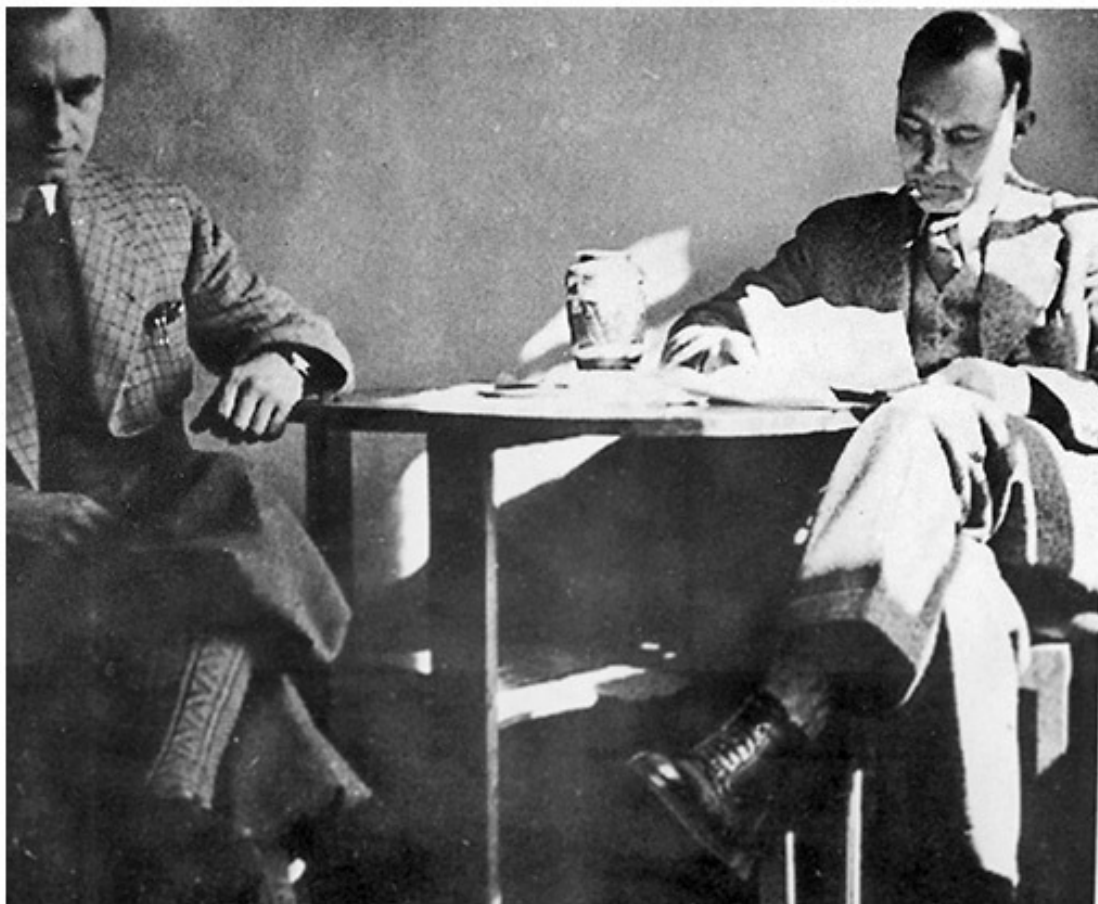
⁸³ Sz wajkowski, [Zeznania], IPN, S/139/12/Zn, p. 137–142; Zawadzki, [Zeznania], IPN, S/139/12/Zn, p. 124–128; Roth, *Murder*, цит. по: Zalc, Bruttman, *Microhistories*, p. 227; см. сноски 55 об антисемитских взглядах; Gutman, Krakowski, *Unequal*, p. 48; Zimmerman, *The Polish*, p. 74, 83.

⁸⁴ Gross, *Polish*, p. 254; Tereszczenko, *Wspomnienia*, p. 85; из беседы с Терещенко, 1 ноября 2016 года.

⁸⁵ *Znak*, 06.05.1940/6–7, цит. по: Malinowski, *Tajna*, p. 12–15. В более позднем издании «Знака» осуждалось жестокое обращение нацистов с евреями, по мнению авторов, чуждое польской культуре. Тем не менее отмечалось, что «факт остается фактом: евреи в Польше – элемент нежелательный и даже вредный, и устранение их влияния в нашей национальной жизни по-прежнему наша главная цель» (*Znak*, 1940/27, AN, 1925, p. 3–4).

⁸⁶ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15; из беседы с Терещенко, 1 ноября 2016 года; Nowak, *Courier*, p. 39. Новак, впоследствии ставший знаменитым военным курьером, одним из первых стал помогать «Знаку», но потом прекратил работать с этой группой из-за их политической позиции. В своих воспоминаниях он отметил, что «подлинные идеологические мотивы довольно часто смешивались с амбициями людей, планировавших свое личное и политическое послевоенное будущее» (Nowak, *Courier*, p. 67). Личное отношение Яна Влодаркевича к евреям нигде не задокументировано, но, скорее всего, оно совпадало с позицией «Знака».

очевидно сбился с пути, и Витольд чувствовал необходимость быть рядом с другом, чтобы в нужный момент остановить его⁸⁷.

Витольд и Ян. Ок. 1940 года.
Предоставлено семьей Пилецких

Витольд разыскал полковника Стефана Ровецкого, руководителя конкурирующей организации «Союз вооруженной борьбы», чтобы обсудить объединение сил. Сорокапятилетний Ровецкий поддержал формирование подпольной гражданской администрации, которая напрямую подчинялась бы польскому правительству в изгнании, находившемуся во Франции, и регулярно призывала бы к созданию «поистине демократического» государства с равными правами для польских евреев. Ровецкий, фанат Шерлока Холмса и любитель разнообразной маскировки, редко выражал собственные взгляды, но верно оценивал настроения людей. Он уже писал польскому руководству о своих опасениях, что нацисты сознательно разжигают расовую ненависть, стремясь отвлечь поляков от сопротивления немцам. Ровецкий отмечал, что значительно возросло число нападения поляков на евреев и может появиться правый политик, который станет немецкой марионеткой и будет оправдывать нацистскую политику преследования евреев⁸⁸.

⁸⁷ *Znak*, May 1940/6–7, цит. по: Malinowski, *Tajna*, p. 12–15; Faliński, *Ideologia*, p. 57–76; Kochanski, *The Eagle*, p. 97; Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15; Pilecki, *Wspomnienia*, vol. 179, APMA-B, p. 312.

⁸⁸ Pluta-Czachowski, *...gdy przychodzi...* цит. по: Szarota, *Stefan*, p. 91, 86; Rakon, [Meldunek nr. 15], in Czarnocka et al., *Armia*, vol. I, p. 194. Связной Ян Карский делает схожее замечание в своем донесении подполью в 1940 году (Karski, цит. по: Zimmerman, *The Polish*, p. 73).

Как и Витольд, Ровецкий не питал иллюзий относительно шансов подполья в борьбе против оккупантов. Но он считал, что их сопротивление служит более высокой цели – моральному единению и наращиванию сил. Ровецкий начал документировать преступления нацистов и тайно переправлял донесения на Запад, чтобы подстегнуть союзников к активным действиям⁸⁹.

Целая сеть курьеров доставляла эти материалы во Францию через горные перевалы в Татрах. Тогда доклады Ровецкого не произвели должного впечатления на лидеров западных стран. Однако когда некоторые факты были преданы огласке и последовали международные протесты, немцы немного обеспокоились и даже выпустили группу арестованных ученых. Ровецкий был убежден, что собранные данные помогут укрепить решимость британцев и французов⁹⁰.

Стефан Ровецкий до войны.

Предоставлено Польским агентством печати

⁸⁹ Zimmerman, *The Polish*, p. 67.

⁹⁰ Favez, *The Red*, p. 136–137; Zimmerman, *The Polish*, p. 67; Fleming, *Auschwitz*, p. 32; Wood, *Karski*, loc. 1109; Winstone, *Dark*, loc. 1244.

Витольд был впечатлен масштабом личности этого тихого, скрытного человека. Он считал, что их организация должна войти в подчинение к Ровецкому, но Ян не раздумывая отклонил идею слияния. Он сказал, что отправил польскому правительству в изгнании собственного курьера и запросил одобрения их деятельности. Затем он объявил, что подготовленный им манифест подпишут несколько радикально настроенных группировок⁹¹.

«Такое заявление разрушит всю нашу работу! – воскликнул Витольд. – Давай сосредоточимся на вооруженной борьбе. Политикой можно заняться и позже»⁹².

Ян был обескуражен. Он рассчитывал, что Витольд поддержит его. Несколько человек встали на сторону Витольда, в том числе новый начальник штаба группы полковник Владислав Сурмацкий. Ян сдался и согласился встретиться с Ровецким. Для Витольда это была победа⁹³.

Владислав Сурмацкий. Ок. 1930 года.

Предоставлено Государственным музеем Аушвиц-Биркенау

⁹¹ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 14.

⁹² Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15; Pilecki, *Wspomnienia*, vol. 179, APMA-B, p. 313.

⁹³ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15.

Однако Ян продолжал настаивать на своем манифесте. Витольд опасался, что это лишь разобщи́т людей. В статье не было упоминания о евреях и других национальных меньшинствах, но подтекст четко прочитывался. «Польша должна быть христианской и опираться на нашу национальную идентичность», – провозглашалось в манифесте. Тех, кто выступает против таких идей, следует «удалить с наших земель». Витольд понял: их с Яном дороги разошлись. «Мы договорились, что будем продолжать управлять организацией», – вспоминал Витольд, но чувство «глубокой неприязни» было очевидным⁹⁴.

Десятого мая гитлеровские войска на пути во Францию вторглись в Люксембург, Нидерланды и Бельгию. Именно этого момента ждали подпольщики: объединенные силы союзников обрушатся на немцев. Союзники либо победят, либо ослабят нацистов, и восстание в Польше получит шанс на успех. Мать Яна тайно установила у себя в квартире радиоприемник. Поначалу они слушали новости с воодушевлением, но постепенно становились всё мрачнее: Би-би-си сообщала, что немецкие войска разгромили британцев под Дюнкерком и вошли в Париж. Вскоре стало очевидно, что Германия вот-вот нанесет французам сокрушительное поражение и война затянется на неопределенный срок⁹⁵.

Генерал-губернатор Франк решил, что теперь можно не переживать о негативных статьях в иностранных СМИ, и распорядился устроить массовые облавы на мужчин призывного возраста. Двадцатого июня в лесу рядом с селом Пальмиры расстреляли 358 человек. Несколько тысяч человек были отправлены в концлагеря в Германию. Однажды эсэсовцы ворвались в квартиру Элеоноры и чуть не поймали Витольда. Услышав на улице грохот грузовиков, он едва успел спрятать документы под половицей и выскользнуть за дверь. В ту же секунду ворвалась полиция и перевернула квартиру вверх дном. Витольд был вынужден скрываться. Он достал документы на имя некоего Томаша Серафиньского и представлялся теперь именем этого человека⁹⁶.

Сеть Витольда поредела – участвовавшие репрессии сделали свое дело. В результате налета гестапо на «Кафе Бодега» было арестовано большинство официантов. Их места заняли новые подпольщики, но на этот раз гестапо смогло внедрить туда своего шпиона. Доносчицей была ветреная молодая полька, которая влюбилась в офицера СС. Она назвала ему несколько имен, в том числе имя своего дяди, гинеколога Владислава Деринга, товарища Витольда. Ранним утром 3 июля 1940 года эсэсовцы вывели Деринга и его жену из их квартиры⁹⁷.

Участники подполья не знали, что именно случилось с Дерингом, но ходили слухи, что в июне в бывших казармах польской армии за небольшим городком Освенцимом был организован концентрационный лагерь. Немцы называли это место Аушвиц. После прихода Гитлера к власти такие лагеря стали распространенным явлением в политической жизни Германии. Своим чрезвычайным указом Гитлер утвердил бессрочный арест, или «оградительное заключение», для любого человека, которого нацисты посчитают врагом государства. К началу

⁹⁴ *Znak*, 15.07.1940/14, цит. по: Malinowski, *Tajna*, p. 173–175; *Znak*, [Deklaracja], AAN, 2/2505/0/-/194, p. 2–3. В декларации Яна ничего не говорилось конкретно о евреях, но язык документа типичен для националистов того времени – Ян формулировал определение польской нации очень ограниченно, на религиозной основе; Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15; Pilecki, *Wspomnienia*, vol. 179, APMA-B, p. 313.

⁹⁵ Malinowski, *Tajna*, p. 70.

⁹⁶ Winstone, *The Dark*, loc. 1329; Lasik et al., *Auschwitz*, vol. I, p. 49–50; Bartoszewski, 1859, p. 157; Cyra, *Rotmistrz*; Pieńkowska, [Wspomnienia 1], AAN, 2/2505/0/-/194, p. 2.

⁹⁷ Malinowski, *Tajna*, p. 88; Cyra, *Dr Władysław*, p. 74; Kantyka, Kantyka, *Władysław*, in *idem*, *Oddani*, p. 266. Известна только фамилия женщины – Журавская.

войны они держали в нескольких концлагерях в разных районах Германии тысячи политиков, левых активистов, евреев, гомосексуалистов и других людей с так называемыми отклонениями в поведении⁹⁸.

Нацисты были отнюдь не первыми, кто применил на практике идею заключения своих оппонентов в концлагерь. Но Аушвиц отличался от остальных мест: это был первый немецкий лагерь, куда заключенных помещали по национальному признаку. Это был лагерь для поляков. На тот момент гитлеровцы еще не учитывали этническую принадлежность польских граждан, отправленных в лагерь: преобладали католики, но среди первых заключенных были и евреи, и этнические немцы⁹⁹.

Подпольщики почти ничего не знали об этом месте, но слышали, что немцы отправляют туда все больше и больше людей. В августе 1940 года там находилось более тысячи человек. Из писем заключенных почти ничего нельзя было понять. Но о масштабах насилия в Аушвице свидетельствовало количество уведомлений о смерти, которые получали семьи умерших заключенных, и забрызганные кровью личные вещи узников концлагеря¹⁰⁰.

В августе арестовали начальника штаба Тайной польской армии Владислава Сурмацкого, и Ян созвал экстренное совещание в квартире Ядвиги, редактора новостного бюллетеня. Стоял удушающий зной, сигаретный дым висел в воздухе. Ян попросил тишины. Сначала он объявил о слиянии группы с основными силами подполья, как того хотел Витольд¹⁰¹.

Затем он повернулся к Витольду. Напряженность между ними ощущалась физически.

«Тебе выпала большая честь», – сказал Ян¹⁰².

Он пояснил: они с Ровецким разговаривали о концлагере. Ровецкий полагал, что до тех пор, пока все происходящее в лагере покрыто тайной, немцам может сойти с рук что угодно. Он хотел, чтобы кто-то проник в лагерь, собрал сведения и, если получится, создал ячейку Сопротивления и организовал побег¹⁰³.

«Я назвал Ровецкому твоё имя, ты единственный офицер, способный на это», – сказал Ян¹⁰⁴.

Витольд старался скрыть потрясение. Он понял: это наказание за то, что он не согласился поддержать идеи Яна. Но Витольд не хотел показать Яну свое волнение. Ян продолжил: свой человек в полиции предупредил его, что в ближайшие несколько дней немцы планируют массовые облавы. Руководство СС хотело отправить в Аушвиц всех образованных или просто умных людей. Это был хороший способ туда попасть – хотя людей, которых подозревали в подпольной деятельности, вполне могли немедленно расстрелять.

Учитывая рискованность задания, Ян не мог отдать Витольду приказ.

Ему требовалось добровольное согласие¹⁰⁵.

Мысли проносились в голове Витольда с лихорадочной скоростью. Попасть в немецкую облаву – безумие. Даже если немцы не застрелят его сразу, они могут подвергнуть его пыткам

⁹⁸ Malinowski, *Tajna*, p. 54, 88; Ostrowska, [Wspomnienia 1], p. 4; Wachsmann, *KL*, p. 7–9; Tabeau, [Sprawozdanie], in *Zeszyty* (1991), p. 105; Wachsmann, *KL*, p. 191.

⁹⁹ Wachsmann, *KL*, p. 6–9. Аушвиц изначально задумывался как транзитный пункт для польских рабочих, которых будут отправлять в Третий рейх, но, по-видимому, лагерь быстро перепрофилировали и превратили в традиционный концентрационный лагерь; Rees, *Auschwitz*, loc. 643; Steinbacher, *Auschwitz*, p. 22; Dwork, van Pelt, *Auschwitz*, p. 166.

¹⁰⁰ Malinowski, *Tajna*, p. 54, 88; Ostrowska, [Wspomnienia 1], p. 4. Неясно, сколько именно заключенных погибло в Аушвице к концу августа. Записи об этом неполные, сохранилось имя всего одного убитого заключенного.

¹⁰¹ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15; Malinowski, *Tajna*, p. 100. Малиновский пишет, что встреча состоялась в конце августа, но это противоречит хронологии событий.

¹⁰² Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15.

¹⁰³ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15; Ostrowska, [Wspomnienia 1], p. 4; Gawron, *Ochotnik*, p. 114; Pilecki, *Akta sprawy, Zeznanie w śledztwie Witolda Pileckiego*, ASS MON, vol. 1, p. 74.

¹⁰⁴ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15.

¹⁰⁵ Malinowski, *Tajna*, p. 54; Gawron, *Ochotnik*, p. 114.

и разоблачить позже. И что будет, когда он туда попадет? Если подпольщики не ошибались относительно жестокости режима в лагере, его перспективы создать ячейку Сопротивления и организовать восстание выглядели весьма туманно. Но даже если это обычный концлагерь, ему придется долгие месяцы томиться в плену, пока в Варшаве будет происходить все самое интересное. Однако на другой чаше весов находился тот факт, что Ян под давлением Витольда согласился подчиняться Ровецкому. Как это будет выглядеть, если Витольд откажется от первой же просьбы Ровецкого? Ситуация патовая¹⁰⁶.

Витольд сказал Яну, что ему нужно время на раздумья. День за днем он постоянно размышлял о предложении Яна. В своих более поздних мемуарах Витольд не упоминает о страхе за себя, но он наверняка тревожился за семью. Мария смирилась с его подпольной деятельностью в Варшаве, позволявшей ему время от времени приезжать в Остров-Мазовецку и быть недалеко от семьи на случай чрезвычайной ситуации. Отправка в Аушвиц означала, что семью придется бросить на произвол судьбы и подвергнуть риску расстрела, если он будет разоблачен¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15.

¹⁰⁷ Pilecki, [W jaki], PUMST, BI 6991, p. 15; из беседы с Пилецким, 1 февраля 2016 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.